С Новым годом, товарищи!

1959

1958

ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 1 (1646)

1 ЯНВАРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

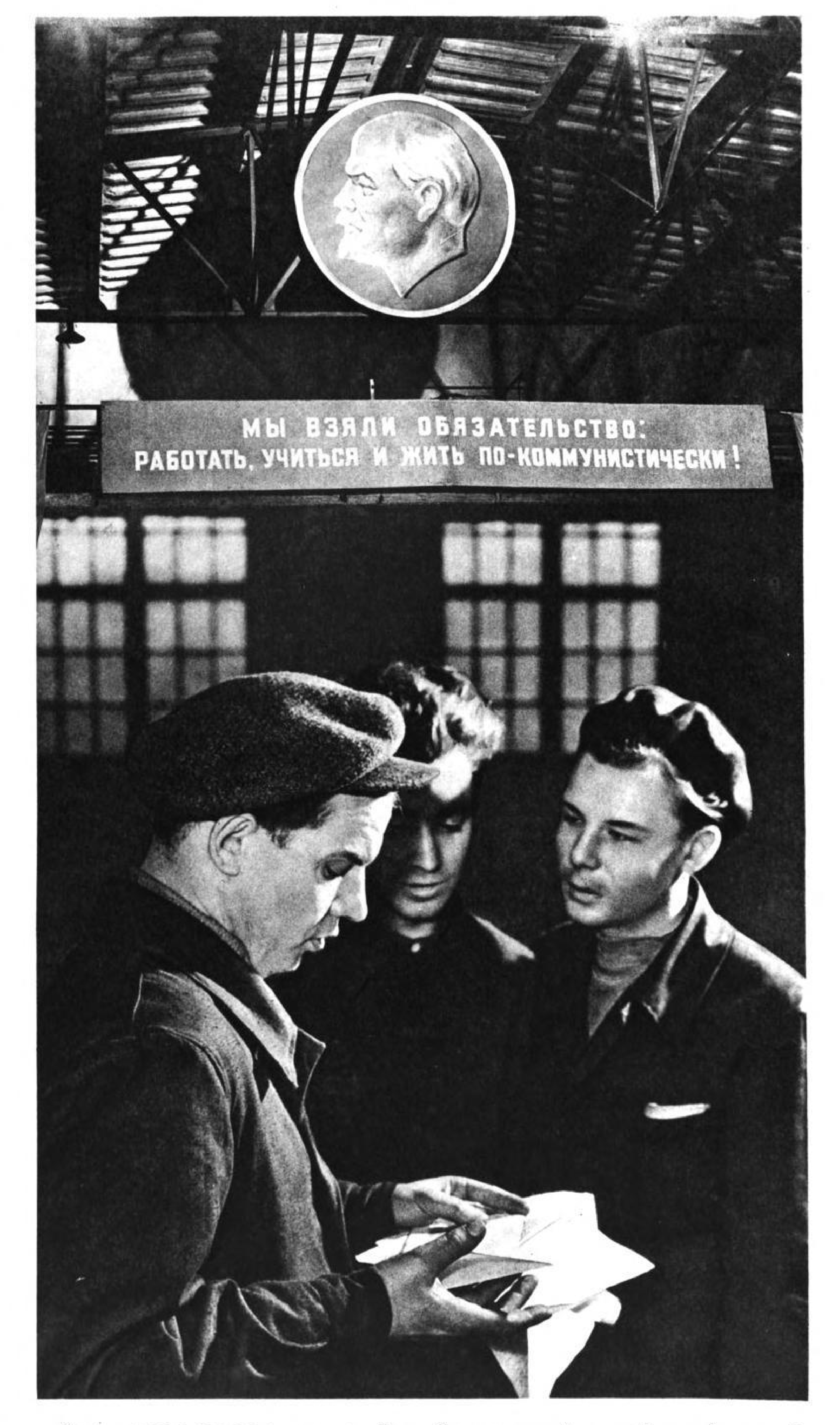
Главное новогоднее

Лев ОШАНИН

Есть личное новогоднее —
О том, чтобы вдруг, любя,
Глаза долгожданные подняли
Ресницы свои на тебя.
Чтоб сдать экзамены сложные,
А на работе любой
Чтоб вышло все, что заложено,
Что начато было тобой.
Суровое и лиричное,
Поменьше и поважней,
Есть новогоднее личное
У каждого из людей.

Но не о нем сегодня я
Хочу разговор начать.
Есть главное новогоднее —
Такое, что не смолчать:
Вошло в сердца окрыленные,
Запомнится на века
Народным трудом рожденное,
Бессонным умом ЦК.

За счастье людей вам ратовать,
Так здравствуйте, дни трудов —
Огни пятьдесят девятого,
Ярчайшего из годов!
Прожекторами светите нам,
Год славы и путь побед,
Задуманный и рассчитанный
Не на год, а на семь лет!

Здесь, в тепловозоремонтном цехе депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги, родились первые бригады коммунистического труда. Инициаторы этого патриотического почина получают со всех концов нашей страны письма с просьбой поделиться опытом своей работы, рассказать о жизни, учебе. **На снимке:** мастер цеха Владимир Станилевич, слесари Александр Рапопорт и Владислав Пенсков просматривают почту.

Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: Рисунок Н. Карповского.

На последней странице обложки: Зимний день. Фото М. Савина.

Сессия Верховного Совета СССР

Избранники народа, съехавшиеся в Москву со всех концов нашей необъятной Родины, заполнили зал заседаний Большого Кремлевского дворца. 22 декабря здесь начала работать вторая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва.

Верховный Совет СССР принял закон о Государственном бюджете Союза Советских Социалистических Республик на 1959 год.

1959 год — первый год предстоящего семилетия, программа которого будет утверждена XXI съездом партии. Тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде встретили единодушное одобрение всего советского народа. Выполнение великой исторической программы коммунистического строительства обеспечено необходимыми трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами.

Высший законодательный орган страны подвел итоги всенародного обсуждения вопроса об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования. Решения, принятые сессией, определяют развитие советской школы на многие годы вперед, обеспечивают неуклонное претворение в жизнь ленинских принципов коммунистического воспитания.

Сессия Верховного Совета Союза ССР рассмотрела также и другие вопросы.

На снимке: В зале заседаний сессии.

Фото А. Гостева.

ПАМЯТНИК Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМУ

20 декабря в Москве, на площади Дзержинского, состоялось торжественное открытие памятника Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Памятник воздвигнут по проекту скульптора Е. Вучетича и архитектора Г. Захарова.

Фото М. Кухтарева.

На селе после Пленума

В. ТИТОВ

Фото Ф. Коротневича.

Взволновал, всколыхнул до самых глубин колхозную деревню декабрьский Пленум Центрального Комитета нашей Коммунистической партии. Куда ни зайдешь, где ни остановишься, всюду разговоры о том, какой стала наша деревня, как поднялась, как выросла...

Всего год я не был в колхозе имени Радищева, в селе Никольском, что стоит на старой Юхновской дороге под Гжатском, а иду по селу вместе с зоотехником МТФ Александром Тимофеевичем Лебедевым и удивляюсь вместе с ним тому, что приносит нашей деревне каждый новый год. Всего год назад тянулась здесь вдоль дороги двумя порядками обновленная новыми домами старая улица, параллельно ей белела свежими стенами новых домов молодая улица Мира. А теперь, гляжу, новая Красная улица в сорок добротных жилых строений выбежала за околицу...

Колхозники артели имени Радищева идут в клуб обсуждать итоги декабрьского Пленума ЦК КПСС.

Дальше иду и вижу, что к старым, построенным два года назад коровникам прибавился еще один, что вырос кирпичный гараж на 16 автомобилей, что строится большая мастерская для ремонта машин, а рядом стоят свои тракторы, комбайны, льнотеребилки, молотилки, сеялки, достраивается свой молокозавод. И этот миллионный артельный «прибавок» сделан в колхозе за один год. Я иду, думаю об этом, и, словно угадывая мои мысли, Александр Тимофеевич говорит мне:

— Нет, вы только подумайте! Порою и сам удивляешься, как мы шагаем и какой верный путь к подъему всей нашей жизни указала нам партия.

Я слушаю слова зоотехника и вспоминаю недавнюю историю этого села. Здесь война наделала много бед. Почти полностью было разрушено хозяйство, не было машин, скота, жилья. Хозяйственные постройки были сожжены или пришли в ветхость. Поубавился числом народ.

А вот сейчас народ выпрямился, словно помолодел и душой и телом, у колхоза миллионные доходы, хорошее хозяйство и открытый дальше путь к богатой жизни. А все отчего? Все оттого, что принцип материальной заинтересованности, внесенный в хозяйственную жизнь колхозной деревни, вернул колхозника к земле, к активной деятельности на ней, и человек во весь рост встал на ней и хозяином и работником.

Я говорю об этом моему спутнику, и он отвечает:

— За это и спасибо нашей партии, она понимает народ! Трудодень у нас давно не палочка на бумажке, а хлеб, деньги, продукты, стало быть, жизнь. Но о трудодне у нас тут сейчас другие разговоры, новые.

Но о том, что думают о трудодне сейчас в колхозе, я узнаю и из других разговоров. Колхозный трудодень, пожалуй, главный герой сегодняшнего дня. О нем говорят много, страстно, толково. Вот не он ли был до сегодняшнего дня главным толчком хозяйственной жизни артели? А сегодня слышу, что трудодень для артели устарел, и его вот доказательно отвергает бригадир четвертой бригады Семен Васильевич Третьяков. Люди собрались на перекур возле мельницы, тут сегодня завозно, а Семен Васильевич развернул газету, указывает пальцем в какое-то одно место в ней:

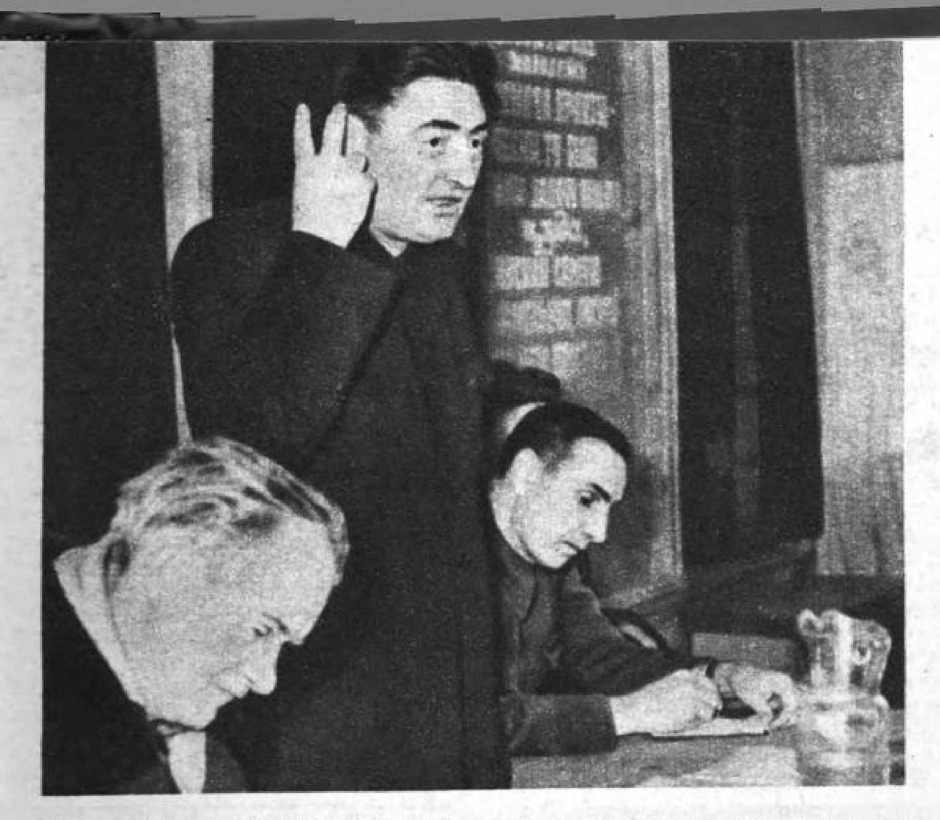
— Прав Никита Сергеевич, прав в своем выступлении. И ведь верно, придет время, когда государство будет покупать хлеб и продукты там, где они дешевле. Вот он говорит, что центнер зерна в нашей Смоленской области, ежели его купить, стоит сейчас сто семьдесят два рубля, а вон в Западной Сибири тридцать семь рублей стоит такой же центнер хлеба. И вот ежели будет организована свободная продажа колхозами хлеба и продуктов, где их будет покупать государство? Да там, где дешевле.

— Ну, а как это ты увязываешь с трудоднем-то? — недоумевает какой-то приезжий помольщик.

— А вот как, — отвечает бригадир. — У нас тут в одной бригаде лен посеяли прошлой весной. В срок посеяли, и лен удался на славу, по семь центнеров льноволокна бригада взяла. А в другой бригаде посеяли после 25 мая, и урожай в этой бригаде был всего четыре центнера. Ну, кому же дешевле обошелся лен, первой или второй бригаде? Конечно, первой, потому что она его больше взяла. И хоть вторая бригада знала, что лен у нас после 25-го не сеют, да понадеялась на то, что все равно трудодень за работу будет у всех одинаков! Уже этим одним нехорош стал наш трудодень. Тормозит он дело, никак не объясняет настоящую затрату труда на выработку продукта, а отсюда нельзя и знать, как сделать дешевле продукт и как колхознику больше заработать. А вот если бы бригады на хозрасчете были, на твердой сдельной денежной оплате, они бы все думали, как сделать дешевле продукт, потому что чем он дешевле, тем на него больший спрос, а чем больше спрос, тем его больше и сделать надо...

О дешевом и обильном продукте колхозного производства в Ни-

Председатель артели Иван Антонович Денисенков разъясняет общему собранию значение перехода на денежную систему оплаты труда.

кольском говорили уже и год назад. А вот пленум вновь разбудил эти мысли, и не только разбудил, а и привел в действие.

Захожу в правление колхоза к председателю артели Ивану Антоновичу Денисенкову. В правлении тоже «завозно». Тут много людей сидят за какими-то подсчетами, сам председатель обложился выкладками, справочниками — работает. Здоровается, протянув руку через стол, и, не отрываясь от бумаг, просит повременить, а потом не выдерживает, отодвигает бумаги и говорит:

— Ну, садитесь, потолкуем. Наконец и мы укрепились в своем решении.

— В каком же?

— А переходим по всем бригадам на хозрасчет и на денежную оплату труда. Год думали-гадали, все как-то боязно было. А вот пленум подтолкнул, решились. И что же получается? Хорошо получается. Нормы выработки и денежные расценки составлены так, что один вид работы повлечет за собой выполнение другого вида работы, а от этого будут расти и товарное производство и доходы колхозников...

И, раздвинув еще шире в стороны бумаги на столе, продолжал:

— Едва только мы начали эту работу, как наши животноводы решили отказаться от зеленого летнего конвейера, то есть от стойлового содержания коров летом и кормежки их зелеными кормами, главным образом за счет полей. А почему? Дорого обходится молоко! Теперь они решают вопрос так: подсевать хорошими травами выпасы и все лето брать зеленый корм для дойных коров не с полей, а с лугов. Вот вам уже вытягивается на свет забытый нами вопрос — забота о лугах, о луговодстве. К тому же двенадцать человек и два трактора освобождаются от работы над зеленым конвейером, люди пойдут работать на поля, а корма, что они вырастят на пашне, пойдут на зиму.

Иван Антонович долго еще рассказывал о выгодах такой системы работы, приводил примеры и кончил так:

— Найдем, конечно, пути, чтобы и хлеб у нас был дешев и чтобы много его было. Но что мы уже имеем, что нашли, — это правильное руководство колхозной нашей жизнью, которое дает нам партия. А это уже много, очень много!

Он вновь занялся своими бумагами, а я отхожу к столу, где работает счетовод Люся Онищенко. К ней подсел пчеловод Иван Федорович Пушненков, теребит ее вопросами:

— Ну-ка, ну-ка, скажи, деваха, а пчелок-то не забыли, пастырято ихнего не обошли?

Свинарка Елизавета Андреевна Симонова ворчит на него:

— Да не мешал бы ты ей работать! Не обошли, не обошли тебя, пчелиный бригадир! Меня со свинками не обошли, останусь не в накладе, а тебя нешто обойдешь? Опасный, ужалишь.

— Нет, ты постой, постой! Свинки твои — дело государственное. О них вон и на пленуме речь идет. А вот про пчелку не слыхал. Может быть, нам, пчеловодам, и внимания не требуется?

Но скоро он уходит от стола счетовода вполне удовлетворенный, когда Люся сообщает ему нормы и расценки на его работы. Оказывается, он будет получать и за уход за пасекой, и за кормовой мед, и за товарный, и за создание новых семей, и за руководство пасекой. А это, пожалуй, будет много больше, чем он получал на трудодни, да к тому же тут и все возможности развернуться в деле по-настоящему.

— Ну, как, без сумленья? — спрашивает его свинарка.

...И вот вечер. Собрание в просторном зале колхозного клуба. Денисенков просто рассказывает людям о том, как партия вывела колхозное село на широкую дорогу жизни.

Потом обсуждается вопрос об оплате труда, долго зачитывается список норм выработки, денежных расценок, принимаются обязательства по всем отраслям хозяйства. Длинен этот список работ, предусмотрено в нем все — от поделки саней и грабель и работ плотницких бригад до выращивания урожаев хлебов, льна, надоев молока, роста поголовья скота на каждые сто гектаров, — и люди слушают его с вниманием.

И вот прения. Говорят о том, какие задачи встали перед колхозом, о том, как повышать урожайность, что для этого делать.

— Вот рожь, — кто-то заявляет из зала, — самая наша смоленская культура. Брали мы урожаи когда-то и по пятнадцати и по восемнадцати центнеров с гектара, брали и по двадцати. Да поистощились наши поля! Берем пять, шесть, много — десять центнеров с гектара. Надо землю напитать.

— А скажите, товарищ председатель, как будет с нормами выработки на разных посевах льна? — спрашивает колхозница Л. И. Тарасова.

Нечем? Есть чем. Есть навоз, есть торф, есть у нас известковые туфы. Но машин, чтобы добыть этот торф и известковые туфы, у нас нет. Нет их и в РТС. Тысячи тонн навоза погрузить тоже нечем: нет таких у нас для этого машин. Нечем, кроме вил, разбросать у нас навоз и на пашне. И вот из года в год у нас недокорм почвы и низкие урожаи. И вот из года в год у нас огромные затраты трудодней на ручную непроизводительную добычу торфа и погрузку навоза, и в результате дорогой хлеб.

Встает кто-то еще и говорит о луговодстве, о пашне под лесом, о пастбищах, заросших кустом, и о том, что нет дешевых и надежных кусторезов, плугов для перепашки болотистых почв.

А вот встал, видимо, механизатор колхозный. Он говорит о нехватке запасных частей для ремонта машин, о деятельности сельхозснаба, об РТС, которая пока норовит браться только за выгодные ей работы, о покрышках для автомобилей...

За полночь длится собрание. Колхозная деревня обсуждает все, что позволит успешно двигаться вперед в предстоящем семилетии, план которого утвердит XXI съезд партии.

Сембен Усман

докер и писатель, Сенегал

Когда идешь через жизнь, то на каждой ее ступеньке встречаешь свой образ счастья, свою мечту о нем.

Я родился в Сенегале, на берегу африканской реки Казаманс. Подростком, вытягивая вместе с рыбаками моей деревни сети, я думал, что самое большое счастье — это прийти домой и знать, что в доме хватит ужина на всех.

Потом я стал городским рабочим. Я шел с работы, и меня встречали мерцающие огнями улицы с ресторанами и кино, на дверях которых висели таблички. Они кричали мне в лицо: «Неграм вход воспрещен!» Неграм — в их собственной стране... Мне навстречу ковыляли дети на костылях, негритянские дети. Им негде было лечиться. В их стране. Потом улицы гасли, и за ними выползали мрачные скопища «бидонвиллей» — поселков из кусков старого железа. Здесь жили негры. Жили так — в своей стране. И бесплотный, еще незримый образ счастья возникал в моем воображении, озаряя школы, вставшие на месте тюрем, рабочие поселки, оттеснившие «бидонвилли», и людей моей страны, самостоятельно вершащих ее порядки.

Потом я стал солдатом. Я сражался вместе с французами против фашизма. И тогда я знал, что счастье — это возможность делить участь товарищей. Общий свет по-

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ

Галина ШЕРГОВА

Где-то в неведомом обиталище родился Новый год. Он открыл глаза и увидел наш земной шар, по которому ему, новорожденному, предстоит совершить путешествие. И вот он зашагал, разговаривая на сотнях наречий, меняя в дороге шубу на тропический наряд. Он поскрипывает валенками под окнами сибирского села и шелестит пальмовыми листьями на дорогах Бразилии.

И, заглядывая в окна домов, он слышит, как люди встречают его и друг друга вечными, полными негаснущей надежды словами: «С Новым годом! С новым счастьем!»

«С новым счастьем!» — говорят люди. Но всегда своим, особым значением наполнена эта новизна. Иногда в ней желание заново пережить счастье уходящего года, порой — надежда на новое. еще не посетившее тебя счастье.

Каковы же приметы счастья. его облик для каждого человека?

Нет на земле одноликого счастья. И вот я спросила о нем у людей. Это были разные люди, из разных стран, люди разных профессий и возрастов. «Как вы понимаете счастье?»

Они говорили: «Счастье? Да то же, что и для вас самих, для всех людей: мир, успехи в работе, счастье в семье». Но мы говорили дальше, и тогда все ярче проступали за понятием простого личного счастья судьбы стран, народов, черты века, почерк времени. Конечно, это счастье — слышать, как во сне засмеялся твой ребенок, оттого что ему приснились его нехитрые радости. Это счастье — ощущать город, в тротуарах которого живут шаги любимого человека. Это счастье — держать в руках вещь, созданную твоим трудом, твоими исканиями.

Но в наш век счастье не сидит только за семейным столом, не замыкается кругом личного человеческого существования. Судьбы целых народов вторгаются в него. И потому только на свободной половине планеты оно обрело для людей конкретные черты их собственной жизни.

Полземли еще живет в страхе перед завтрашним днем, страхом за будущее детей! Это там из миллионов людей выжимаются сверхприбыли картелей и трестов. Там человеческое счастье раздавлено военной истерией и проповедями ненависти. И это для людей с той половины планеты в словах «С новым счастьем!» — страстная и тоскующая надежда.

Вот что рассказали мне мои разные собеседники.

Фото Риммы Лихач.

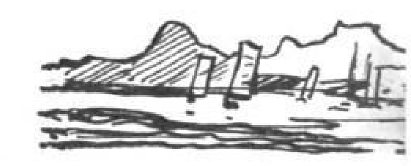
Чжао Цзю-чжан

профессор, метеоролог, Китай

Представьте себе землю и небо, подвластные человеку. Человек посеял хлеб — и по его приказу небо шлет полям дождь. Человек собрал урожай — и хлеба вдосталь хватило всем людям: тем, кому подчиняется земля и ее недра, тем, кто заставляет их служить ему, свободному человеку.

Наверное, так и выглядит счастье. И вот я оглядываюсь вокруг и вижу мою новую, удивительную страну. В ней живут люди — удивительные новые люди: вчерашние батраки, которые научились варить чугун, вчерашние революционные солдаты, которые пришли к нам в институты и делают поразительные научные открытия. Я вижу науку, которая вышла из тесных лабораторий, чтобы служить народу. Я вижу невиданные урожаи, которые выросли в этом году в моей стране.

И все-таки даже этим людям природа еще не до кон-

Ульрих Кинаст

боксер, Федеративная Республика Германии

Бывает, что это очень простая штука — счастье. Кто-то выиграл в лотерее — и вот, пожалуйста, он счастлив. У кого-то сын стал первым учеником — и счастливый отец гордо хвастается соседям.

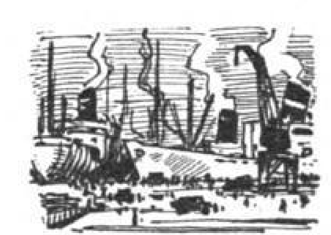
Когда я четырежды завоевывал на ринге первенство Западной Германии, наверное, я казался себе самым счастливым человеком. И разве я не был счастлив тогда вечером в Дуйсбурге, когда в обнимку с моей девушкой мы все ходили и ходили! Тогда, в канун помолвки. Все просто.

Но вот я приехал в Россию. Нацисты послали сюда во время войны моего брата Герхарда и моего дядю. Их пригнали в воинском эшелоне. Они не вернулись домой: их пригнали, чтобы убивать и умирать самим. А меня встретили десятки дружеских рук и сотни людей, ободрявших меня на ринге.

Вечерами я мог вспоминать, как удивительно сияли глаза моей невесты, когда она провожала меня.

ходного костра, общая вода в котелке. Борьба с общим врагом. Общие идеалы человечности. И общий язык. Да, и язык француза был тогда языком товарища, он потерял для меня привкус «неволи», который нес в детстве. Он утверждал людское братство. Я не думал тогда, что этот язык снова станет языком угнетения для моего народа.

Теперь, когда мне тридцать пять, я знаю, что существует лишь одно слово, символизирующее счастье. Это слово — «свобода». Ибо оно вмещает и ужин в каждом доме, и школы вместо тюрем, и человеческое достоинство. Когда-то, мальчишкой, я не понимал, почему в моей стране, желая счастья, люди желают его всем соплеменникам, даже незнакомым. А теперь я пишу об этом книги — о свободе и счастье моего народа, без которого и мне нет счастья. В моей стране я не могу быть только писателем. Я должен работать, чтобы прожить. Я работаю докером, и мой труд дает еще и возможность ощущать мое собственное счастье: разговаривать с книжных страниц с моим народом, звать его к свободе, говорить миру о его страданиях.

ца сдалась на милость. Еще ливни и засухи своенравны. Потому мы объявили им войну. В этом году нам удались некоторые опыты: на 120 квадратных километрах уже шли искусственные дожди. И довольно обильные — до 50 миллиметров. А в будущем году мы хотим, чтобы дождь по нашему приказу пролился на 10 тысячах квадратных километров. Мы опыляем облака с самолетов или «расстреливаем» «мирными снарядами» с катализатором, ускоряющим конденсацию водяных паров. Конечно, это еще первые шаги. Но мы ищем и другие пути покорения неба и уверены, что найдем их: ведь мы не какие-нибудь одинокие экспериментаторы; с нами вместе трудятся государство, наш молодой Китай, наш народ.

И вот я думал: а перед Герхардом, когда он валялся в мокром окопе, наверное, вставало залитое слезами лицо его любимой. Нет, это не так уж просто — быть счастливым. Видно, счастье—только тогда, когда на земле мир. И удачи без него нет. Без него нет любви, люди не понимают друг друга. Без него я сам не могу быть счастлив, даже обнимая свою невесту. Она работает на фабрике перевязочных материалов. И разве будет она спокойна, зная, что этими бинтами через неделю где-нибудь в воинском блиндаже будут перевязывать раненых, может, и меня?

Спортсменам понятно, что такое интернациональная дружба и взаимопонимание. Если это чувство будет знакомо всем людям на земле, тогда каждый сможет пощупать счастье руками.

Божена Сметипрахова

работник Министерства просвещения, Чехословакия

Я женщина. А женщина—прежде всего мать. Люди часто говорят: «Дети — наше будущее». Но только матери знают, что это будущее ты растишь в своем ребенке изо дня в день, внушая ему добро, заслоняя от беды.

Думать о будущем меня научил город, в котором я родилась. Потому что это был революционный Кладно. О нем рассказал Антонин Запотоцкий в романе «Красное зарево над Кладно».

У меня два сына. И мое будущее — в них. Я рада, что они уже сейчас узнали, какое счастье — социализм, свобода, что они полюбили Москву, родину социализма. Когда я ехала к вам, в Советский Союз, мой младший, Вацлав, упрашивал взять его «в чемодан» — хоть глазком взглянуть на эту волшебную Москву. Да, мои дети — мое будущее.

Но по своей работе я увидела сейчас в детях будущее всей земли. Мне приходится заниматься международными детскими лагерями.

К нам в Чехословакию съезжаются дети из самых разных стран. И вот видишь, как рождается дружба между маленькими албанцем и шведом, как мальчик из Бордо становится неразлучен с харьковчанином. Слышишь, как чешские дети на прогулке скандируют приветствия в честь дня независимости арабского государства.

Но видишь и другое. Видишь, как неразумные взрослые заронили в детские души семена ненависти, пренебрежения к другим людям. Это тяжело — слышать, как какой-нибудь мальчуган из западной страны кричит о своем юном земляке: «Не хочу ехать в одном вагоне с красным!» Или как маленький француз, не желая вставать и завтракать в установленное время, бессмысленно повторяет родительские сентенции: «В ваших странах воинская дисциплина. Я не буду подчиняться».

И тогда я думаю: неужели пройдут годы и одни из них станут кричать об уничтожении других? Неужели с ними будет то же, что с моими сверстниками времен войны, когда молодежь Чехословакии 1921—1924 годов рождения была «подарена» Гитлеру в рабство?

Но проходит месяц в лагере, все дети вместе танцуют на празднике и, обнявшись, распевают песни. Дети не виноваты. Некоторые взрослые должны поумнеть. Ведь рождается человек для дружбы, для мира.

А дети и правда наше будущее, наше счастье. А счастье на земле надо растить.

Дзинро Ито

шахтер, Япония

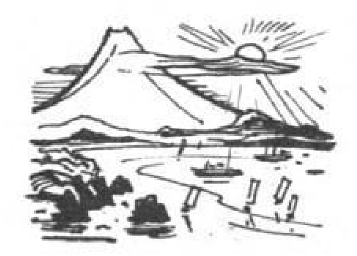
Ну, конечно, каждый мечтает о счастье. Но еще очень часто несчастья раньше входят в дома людей. Шахтеры Саппоро у нас, на острове Хоккайдо, знают, как горе стучится в окна. Оно стучит рукой соседки, которая кричит твоей жене:

— Беги на шахту, там опять обвал!

У нас это—обычное дело.

Много лет подряд, ожидая отца с работы, мать боялась, что постучат и к ней. Нас было одиннадцать. Одиннадцать детей у нее. Десятерых она уберегла от шахты. Но одного из нас отец захотел сделать шахтером, чтобы продолжить его дело. Он послал на шахту меня, и тринадцать лет из

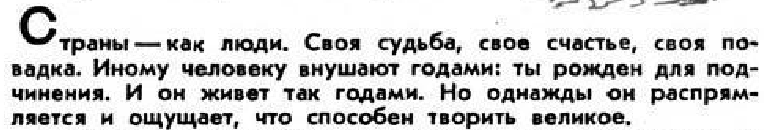
своих тридцати двух я провел под землей.

Во время войны я узнал, что горе входит в дом и вместе с почтальоном, приносящим извещение о смерти близкого. Трое моих родных были убиты тогда, один ранен — он болен до сих пор. Но и тому солдату, которому удалось вернуться живым, не было удачи: не получив специальности, он остался безработным.

Вы спросили меня о счастье, а я говорю о горестях людей. Но ведь именно они-то и стоят поперек пути счастья. Значит, счастье — это и государство, думающее о безопасности труда, это работа, хлеб, это мир, мир, мир.

Да, счастье — трудная вещь, требовательная. И все-таки, когда я и моя жена Мицуэ говорим о счастье, мы верим, что оно будет, потому что мы не просто ждем его, мы боремся за него!

Ахмед Диа эд-Дин

кинорежиссер, Объединенная Арабская Республика

Страны — как люди. Своя судьба, свое счастье, своя повадка. Иному человеку внушают годами: ты рожден для подчинения. И он живет так годами. Но однажды он распрямляется и ощущает, что способен творить великое.

Столетия англичане твердили моей стране: ты немощна. А она сумела стать солдатом, защищающим древние камни своих жилищ, она стала строителем и рабочим, она стала мыслить шире и свободнее.

Я видел, как она выходит из средневековья. Я видел, как отступает феодализм, как крестьянин борется за свою землю, как женщина получает право быть человеком. Я рассказал об этом в фильме «Наша зеленая земля».

Да, это — мое счастье! Счастье художника — быть зеркалом и летописью своего народа! Если я проживу, создам картины, из которых люди узнают, что мой народ хотел мира, но умел сражаться за свои права, подобно защитникам Порт-Саида, что страна моя сумела преобразить свою экономику; если я создам фильмы, помогающие людям научиться уважать друг друга, тогда, обернувшись назад, я смогу сказать: да, я был счастлив!

И. С. Мухин

заместитель директора Института точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР

Как известно, в старые времена для определения счастья составлялись гороскопы: вычислялось расположение звезд — и, пожалуйста, ваша судьба как на ладони. Но надо сказать, способ этот был довольно несовершенен: в распоряжении кудесников и предсказателей не было электронно-вычислительных машин, помогающих с предельной точностью предсказывать движение светил. Это была, так сказать, кустарщина.

Относясь с недоверием к кудесникам и гороскопам, в вычислительные машины я твердо верю. Действительно, сейчас нет области в науке, где бы они не трудились.

И хотя наши машины и в самом деле смогут точно рассчитывать движение планет, я не берусь составлять гороскопы. Но думаю, что уже сейчас можно предвидеть, какую роль в человеческом счастье сыграют новые науки, и в частности кибернетика.

Вот перед нами необозримость семилетнего плана, на просторах которого встают уже осязаемые черты коммунизма. И нам, ученым, хочется хоть в какой-то степени помочь созданию изобилия жизненных благ, знаний, человеческих радостей, которыми будет отмечено это время.

К концу семилетия, мы надеемся, наши машины смогут выполнять не 10 тысяч операций в секунду, как сейчас, а до миллиона. Тогда будет возможно безупречно точное управление производственными процессами и транспортом, скажем, автоматизированная очередность посадок самолетов на аэродромах — ведь в небе будет тесно. При помощи справочно-информационных машин можно будет получить справку в любой области знания.

Но все это — служебное дело, главное то, что человек будет все больше освобождать свою мысль от утомительных механических процессов для истинного творчества. А ведь именно творческим должно быть наше «завтра». Потому что нет счастья выше настоящего творчества.

Вот если советские ученые смогут хоть как-то способствовать приближению этого «завтра», смогут помочь раскрепощению человеческой мысли, я буду абсолютно счастлив.

Что же касается счастья личного, им я обладаю в полной мере и хочу только сохранять его неизменно. Чего желаю и всем моим согражданам.

Элиас Шароян

рабочий-обувщик, Уругвай

Только что я видел счастье в лицо. Теперь я знаю его облик, его голос и смех.

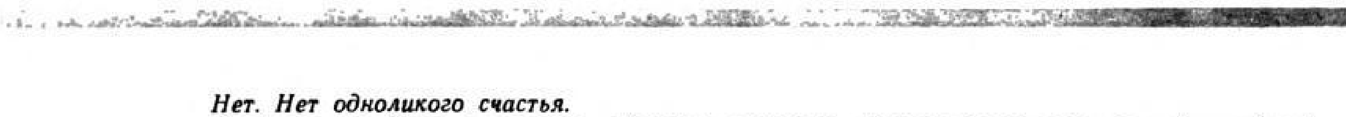
Я родился в старой Армении, в той ее части, что была под турецким игом. К четырем годам я потерял родителей, погибших под обстрелом.

Я много кочевал по свету.

Я добрался до Уругвая и прожил тут большую часть жизни. Рядом со мной жило много армян, но у нас не было родины. Не было родины, так как культура моего народа, самобытность его, права народа попирались каждый день. Те, кто не ощущал этого, не знают, какое это счастье — родина.

И вот я увидел, как выглядит счастье. Я побывал в Советской Армении. Теперь я знаю, что оно живет в новых домах из бело-розового камня, построенных для рабочих, в залах библиотек и научных институтов, где древняя армянская культура бережно переплетается с открытиями завтрашнего дня. У этого счастья был голос заводских гудков, народных песенных ансамблей. Оно смеялось счастливым смехом детей во Дворце пионеров. И, видя это счастье, я не мог не думать о моих детях, о моем четырнадцатилетнем Хорхе, которого я должен послать работать, потому что нет денег учить его.

Я не только увидел счастье в лицо. Я узнал, как оно называется. У него несколько имен: Родина, Социализм, Мир.

Нет. Нет одноликого счастья.

Когда-то Лу Синь в новелле «Моление о счастье» рассказал о жителях старой китайской деревушки, которые в новогоднюю ночь, озаренную взрывами ракет и хлопушек, молили небеса о скудном и неверном счастье. А теперь профессор Чжао Цзю-чжан и его друзья в канун Нового года мечтают приказывать небу.

В поисках счастья сограждане сенегальца Сембена Усмана встают, чтобы захлопнуть дверь страшному прошлому, а москвич Иван Мухин уже распахнул окно в будущее, чтобы завтрашнее счастье сегодня стало действительностью.

И только сейчас, когда независимость пришла в Египет, Ахмед Диа эд-Дин смог рассказать миру о том, на что способен освобожденный народ.

Потому и не было среди моих собеседников ни одного, кого не волновали бы думы о мире, в котором главный залог счастья.

И потому, что мы верим, что счастье станет хозяином на всей планете, мы говорим сегодня: «С Новым годом! С новым счастьем, дорогие жители земного шара!»

Ракетные базы? — Нет!

Мы получили английский журнал «Сфир». В нем помещен фоторепортаж о событиях в городе Суоффем, графства Норфолк. Здесь строится вторая в Англии площадка для американских ракет «Тор» с атомным зарядом. Многие простые англичане, узнав о зловещем строительстве, колоннами двинулись из разных городов к Суоффему, чтобы выразить свой протест, остановить руку тех, кто размахивает атомным оружием (фото 1).

Толпы людей заградили дороги, ведущие к месту строительства базы. Некоторые ложились на землю, чтобы задержать грузовики, везущие строительные материалы. Полиция и служащие Королевских ВВС пробовали разогнать демонстрантов, сбивали их с ног, обливали водой из шлангов. После этого некоторых пришлось отправить в больницу (фото 2).

Но несколько десятков демонстрантов сумели пробраться на территорию самой базы сквозь проволочные заграждения. Они окружили работающую бетономешалку, пытаясь остановить ее (фото 3).

Чтобы узнать подробности о событиях в Суоффеме, мы позвонили в муниципалитет этого английского города. К аппарату подошел секретарь муниципалитета Джеймс Данн.

— Скажите, пожалуйста,— спросили мы у секретаря, —как проходила демонстрация против строительства американской базы?

— Это была совершенно мирная процессия. Люди подошли к территории базы, выразили свое мнение по поводу ее строительства и ушли.

— Мы читали в английских газетах и журналах, что часть демонстрантов проникла на территорию строительства и пыталась помешать работам.

— Да, демонстранты старались остановить бетономешалку.

— Если демонстрация была мирной, то чем объяснить свирепые полицейские меры против нее?

— Их не было. Все прошло мирно и спокойно, безо всяких эксцессов,—поспешил заверить чиновник муниципалитета.

— Но перед нами лежат фотоснимки, помещенные в английских журналах и газетах. Полиция обливала демонстрантов водой из шлангов, полицейские швыряли людей в грязь, разгоняли их.

— Я ничего не знаю об этих фактах,— после короткой паузы говорит секретарь муниципалитета.

— А что стало с теми участниками демонстрации, которые были помещены в больницу после столкновения с полицией?

— Мне ничего не известно об этом,— с отчаянным постоянством отвечает наш собеседник.

— Разрешите задать последний вопрос, господин Данн. Каково ваше личное отношение к строительству американских ракетных баз на территории вашей родины, в частности вблизи вашего родного города?

На другом конце провода несколько мгновений молчат, затем слышится неохотный ответ:

— Я правительственный чиновник. Мое дело — поддерживать действия правительства, а не препятствовать им.

— Спасибо, господин Данн, за чрезвычайно интересное интервью. До свидания.

Мы благодарили Джеймса Данна вполне искренне: хотя ответы его, мягко говоря, «не очень точно» воспроизвели события в графстве Норфолк, но зато слова муниципального секретаря вполне точно показывают, в каком двусмысленном положении находятся правительственные чиновники Англии, чье дело — «поддерживать действия правительства». Видимо, Джеймса Данна мучает стыд за поступки полиции и военных властей. Только этим мы можем объяснить «святую ложь», услышанную нами с другого конца провода.

Репрессии полиции не остановили протестов. Воля англичан, желающих видеть свою страну свободной от американских баз, крепче полицейских дубинок. Недавно состоялась новая демонстрация в Суоффеме, на которую власти ответили многочисленными арестами.

Вечером 22 декабря лондонскую улицу Даунинг-стрит, где расположена резиденция премьер-министра Англии, заполнили толпы демонстрантов. Они требовали освобождения арестованных в Суоффеме. Крупные силы полиции преградили путь к резиденции премьера. Снова расправы, аресты. Но борьба против ракетных баз продолжается...

Свободу Манолису Глезосу!

Имя греческого патриота хорошо известно не только у него на родине, но и далеко за ее пределами. В годы гитлеровской оккупации Греции Глезос вел героическую борьбу против фашистов. Это он сорвал с Акрополя грязную тряпку со свастикой и водрузил на ее место греческий национальный флаг. Гитлеровцы заочно приговорили Глезоса к смертной казни.

Вторая мировая война закончилась победой над германским фашизмом, но греческий народ не получил долгожданной свободы. Глезос вновь был приговорен к смерти за демократические убеждения, на этот раз греческим военным трибуналом. Жизнь мужественного патриота была спасена массовыми протестами в Греции и во всем мире.

После освобождения из тюрьмы Глезос остается верным себе. Он с еще большей активностью участвует в демократическом движении своего народа. Он один из лидеров Единой демократической левой партии, директор газеты «Авги».

5 декабря Глезос вновь был брошен за тюремную решетку. Это верный знак того, что в Греции усилился поход против демократических сил страны.

Волна протестов против ареста Манолиса Глезоса поднимается в Греции все выше и выше.

Свободу Манолису Глезосу!

Делегаты голосуют: «Долой империализм и колониализм! Свободу Африке!»

«Саваба! Аблоде!»

О. ОРЕСТОВ

Фото В. Мартена (ГДР).

Эти два слова имеют одно и то же значение: «Свобода!». Первое — на языке хауса (Нигерия), второе — на языке эве (Того). На исторической Конференции народов Африки, проходившей в декабре в Аккре, их можно было видеть и слышать повсюду.

Я разговаривал с делегатом Нигерии В. Файеми и упомянул, что по-русски «саваба» произносится «свобода». Он был чрезвычайно взволнован:

— Вы заметили, что в обоих словах одни и те же звуки: С, В и Б? Это — удивительное совпадение, о котором я расскажу дома всем друзьям. А впрочем, зачем удивляться? По-моему, следовало бы на всех языках мира одинаково произносить это слово: ведь для всех оно означает счастливую жизнь, без угнетения. Саваба, мой друг!

Шумно и радостно было в дни конференции в небольшом городке, которому история предначертала стать важным политическим центром для всей Африки.

Трудно было найти в Аккре подходящий зал, который вместил бы триста делегатов и всех гостей. Остановились на здании, принадлежащем муниципалитету Аккры. Те, кому не досталось места в главном зале, расположились в соседних помещениях, где стояли репродукторы.

Один за другим поднимались делегаты на трибуны и рассказывали своим братьям о положении на родине. То и дело из зала доносились гневные возгласы: «Позор! Позор!»,— когда делегат рисовал трагическую картину жизни колониальной территории.

Непревзойденный по жестокости и средневековой тупости, португальский империализм до сих пор сохраняет в своих колониях рабство. Ангола и Мозамбик отделены от мира непроницаемой завесой. Даже жители соседних африканских стран не могут проникнуть на их территорию.

Делегат Анголы не выступал, хотя он и присутствовал на конференции. Он был вынужден скрывать свое имя. Но его речь была прочитана с трибуны, а затем роздана делегатам. Она была озаглавлена: «Трагедия Анголы».

Большинство жителей Анголы не являются гражданами своей родины: они «туземцы», лишенные прав. Им не разрешается передвигаться даже в черте города без особого пропуска. Полиция нередко совершает набеги на деревни, чтобы набрать «контратадос» — людей, которых направляют на принудительные работы. У местных крестьян отобраны плодородные земли, и они загнаны в засушливые, нездоровые районы. Нищета, гнет заставляют ангольцев бежать с родной земли. Свыше миллиона жителей Анголы живут в эмиграции.

«Трагедия Анголы,— говорилось в заключении речи,— хорошо известна миру. Но народ Анголы с горечью задает вопрос: почему же молчат все международные организации и прежде всего ООН?»

С затаенным дыханием слушали делегаты и рассказ представителя Южно-Африканского Союза. Сколько лет, сколько раз вопрос о расовой дискриминации в ЮАС обсуждался в Организации Объединенных Наций! И всякий раз колониальные державы брали под свою защиту южноафриканских фашистов.

Делегаты нескольких стран требовали на конференции, чтобы народы Африки объявили полный бойкот Южно-Африканскому Союзу, перестали покупать товары в ЮАС.

Представительница Женского демократического союза Камеруна Марта Уанди говорила о тяжелом положении женщин в колониальной стране, о том, как они вместе с мужчинами борются за свободу. Пятьдесят тысяч патриотов брошены в концентрационные лагеря. В одном только лагере Ньянон находятся три тысячи пятьсот человек, из них две трети—женщины и дети. В районе Самага расположено шестнадцать лагерей, где люди гибнут, и никто не знает об их судьбе.

Однако рассказы об угнетении и страданиях не породили на конференции пессимизма. Нет, они вызвали новую волну возмущения и укрепили решимость представителей двухсот миллионов африканцев усилить борьбу за свободу.

Делегаты говорили: «Народы Африки, объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей. Вы можете владеть целым континентом. Мы слышим звук трубы: Африка идет вперед! Мы приняли решение: Африка должна быть свободна не завтра, а сегодня!»

Народ Ганы проявил исключительное гостеприимство по отношению к делегатам конференции. Поскольку разместить гостей было нелегко, десятки жителей столицы предложили свои комнаты делегатам, а сами переезжали на эти дни к родственникам.

Когда секретарь конференции, лидер ганских профсоюзов Д. Теттега читал список лиц, пожертвовавших деньги конференции, его прервали бурные аплодисменты. Оказывается, маленький школьник из Аккры принес в секретариат свои сбережения... 1 шиллинг.

Много было в Аккре желающих посетить конференцию, но зал не мог вместить всех. Поэтому руководство Народной партии Ганы созвало в центре города, на площади Арена, массовый митинг, на котором выступали главы ряда делегаций.

С интересом слушали тысячи людей выступление главы братской делегации из Советского Союза, ректора Туркменского университета П. Азимова. Он рассказал собравшимся о достижениях Советского государства и своей родной Туркменской республики, о той симпатии, какую питают советские люди к борющимся народам Африки. Участники митинга долго аплодировали, когда П. Азимов вручил председателю собрания маленькую модель советского спутника и закончил свою речь словами:

— Да здравствует дружба между народами Советского Союза и Ганы!

Молодежь Ганы встречала делегатов боевыми лозунгами: «Руки прочь от Африки!», «Независимость немедленно!». Этот юноша держит плакат с надписью: «Да здравствует африканский социализм!».

Премьер-министр Кваме Нкрума среди членов советской делегации на Конференции народов Африки. Фото А. Дех (Гана).

С. Л. Фролов (Москва). СОВЕТСКИЕ ГЕОЛОГИ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию ВЛКСМ.

«Огонек»

Г. Э. **Сатель** (Москва). СОРМОВСКИЕ СТАЛЕВАРЫ А. МАЗИЛОВ, П. ПИНАЕВ, Н. КОЖИРНОВ.

МЫСЛИ ПОД НОВЫЙ ГОД

Илья ЭРЕНБУРГ

Жизнь на свете пестра, и одна страна не похожа на другую. В Рио-де-Жанейро сейчас стоят самые знойные дни, и в ночь под Новый год бразильцу трудно выпить стакан вина — ледяная вода привлекательней. Японские рыбаки сушат неводы, рабочий Детройта стоит у конвейера, ремесленник Мадраса мастерит ведро из жести, французские рантье в продымленных кафе обсуждают, кто кого одолеет: генерал де Голль мнимых голлистов или эти последние генерала, в Буэнос-Айресе говорят о забастовке железнодорожников, итальянцы смеются над Фанфани, а в Стокгольме люди, сев за праздничный стол, пьют тминную водку и молча друг другу улыбаются, как то положено добропорядочным шведам. Казалось бы, нет ничего общего у людей на нашей небольшой, но весьма разнообразной планете, а между тем есть одно пожелание, близкое каждому: все люди хотят мира.

Когда-то война была делом профессионалов: в поход шли герцоги или князья с небольшими отрядами. Простые люди мечтали об одном: пусть дерутся где-нибудь подальше, чтобы кони не вытоптали поле и солдаты не забрали живности! Когда появились пушки, горожане стали озабоченно спрашивать друг друга, по какой дороге пойдет армия. Чего доброго, ядро попадет в дом. Потом начались большие войны; людей забирали в солдаты, плакали матери, жены. Был, однако, тыл, где можно было отсидеться, и тыловики не понимали фронтовиков. Прошла еще четверть века, бомбы начали крушить города. Из промышленных центров люди убегали в глухие села. В Нюрнберге, не умолкая, выли сирены, а в тридцати километрах от города крестьяне высаживали рассаду помидоров.

Теперь любой человек понимает, что если начнется атомная война, она будет губительной для всех; уцелевший от бомбы сможет год спустя умереть от рака крови... Радиоактивные яды не посчитаются ни со званиями, ни с увольнительными билетами, ни с местожительством. Жолио-Кюри говорил, что люди быстро победили чуму и холеру, хотя медицина в те времена была еще в стадии младенчества, потому, что эпидемии косили и холопов и королей, и бедных и богатых. Чуть усмехаясь, он добавлял, что, будь нищета заразительна, люди давно бы с ней справились и что человечество не допустит атомной войны именно потому, что она грозит всем.

Никого не удивит, что силы мира растут. Есть большое и широкое движение, которое родилось десять лет назад,— Движение сторонников мира. К нему примыкают люди различных стран, различных профессий, различных верований. Недавно мы проводили в последний путь председателя Движения Фредерика Жолио-Кюри — весь мир с уважением и признательностью вспоминает великого ученого и великого человека, отдавшего свою жизнь за счастье людей. В Движении сторонников мира много прославленных людей. Профессор Джон Бернал — крупный физик-кристаллограф. Пикассо — великий художник нашего века. Стихи Пабло Неруды переведены на множество языков. Доктор Сокхей известен всей Индии борьбой против эпидемий. Лауреат Нобелевской премии Лакснесс — один из больших романистов современности. Труды бразильского ученого Жозуэ де Кастро, специалиста по вопросам народного питания, были высоко оценены Организацией Объединенных Наций. Профессор Боннар — вдохновенный эллинист. Рядом с этими, известными всем людьми в Движении участвуют десятки миллионов мужчин и женщин: горняки Уэльса и студенты Токио, буддийские священники и бургундские винодели, датские пацифисты и последователи философии Ганди, пастухи Аргентины и врачи Швеции. О значении этого Движения говорят теперь и его противники: один из военных специалистов Соединенных Штатов в книге, посвященной защите идеи «локальной войны», пишет, что Стокгольмское воззвание помешало в свое время применить в Корее атомное оружие. Однако, как ни сильно Движение сторонников мира, на земле куда больше сторонников мира, чем участников этого Движения. В ряде стран создалось мнение, что Движение сторонников мира отличается узкой идеологией и пристрастными оценками. Я сейчас не стану спорить с людьми, которые так рассуждают. В конечном счете самое важное — оградить мир, бороться за мир, а в каком движении или в какой организации человек за него борется, дело не столь уж существенное.

Расскажу о примере маленькой страны, которая нам близка и по географическому положению и по душевным качествам ее народа. Движение сторонников мира в Норвегии не было широким; оно слыло движением одной политической партии. Год назад судья-пенсионер Карл Бонневи решил созвать конференцию против атомной войны. Средств у него не было, но его знали в стране как честного и смелого человека; он сам писал приглашения, сам относил письма на почту. Осенью конференция состоялась (я присутствовал на ней в качестве гостя). Пришли депутаты стортинга и представители профсоюзов, рабочие, крестьяне, священники, инженеры, студенты. Председатель Внешнеполитического комитета парламента Финн Му говорил о необходимости ослабить «холодную войну», прекратить гонку атомных вооружений, найти путь к разумным соглашениям, к подлинному миру.

Как-то внезапно в Англии вспыхнуло сильное движение, тоже не имевшее связи с Движением сторонников мира; начались «Походы мира» — шли углекопы и пасторы, ученые и ткачи, домашние хозяйки и металлурги. Философ Бертран Рассел выразил возмущение всего английского народа ядерным оружием и атомными испытаниями. Большая группа депутатов-лейбористов открыто потребовала покончить с той опасной затеей, которую один из затейников откровенно определил как политику «на грани войны».

Большие сдвиги происходят в общественном мнении Америки. Еще недавно средний американец верил, что накопление ядерного оружия и различные военные «планы» или «доктрины» предохраняют его от «красных». Крупные американские ученые открыто заявили, что атомные взрывы опасны для обитателей земного шара, в том числе для американцев. Рядовой американец задумался над природой ядерного оружия, которое газеты долго расхваливали, и он понял, что водородная бомба не щит, а скорее бумеранг, и что если швырнуть ее за тысячи миль, то взорвется и Америка. Многие влиятельные американцы — политические деятели, ученые, промышленники — в течение последнего года посетили Советский Союз; они убедились, что мы заняты налаживанием своей жизни и что никто у нас не помышляет о нападении на Америку. По ряду вполне понятных причин в Соединенных Штатах нет Движения сторонников мира, но там теперь наблюдается сильное движение в пользу разрядки международной напряженности, и такой перелом может оказаться решающим: ведь даже немецкие реваншисты сразу остепенятся, если в Соединенных Штатах одержит верх идея мирного сосуществования и сотрудничества.

Слов нет, если раскрыть газету или послушать радио, кажется, что ничего на свете не изменилось, а если изменилось, то к худшему: что ни день объявляют о новых смертоносных изобретениях, произносят воинственные речи, устраивают военные совещания. Но это обманчивая видимость. Если требуется время для того, чтобы идея философа дошла до сознания миллионов людей, то необходимо и время, чтобы воля миллионов дошла до сознания правителей. Речи г-на Даллеса в 1958 году мало чем отличаются от его речей 1953 года, но тогда мы слышали первые раскаты грома, а теперь это скорее эхо уходящей грозы.

Дипломаты пишут ноты, сухие или язвительные, журналисты пишут статьи, хлесткие или патетичные, а простые люди утром едут на работу — в автобусах или в метро,— они бегло проглядывают газеты, а потом трудятся — у станка, в бюро, в лаборатории. Они ничего не пишут, кроме писем своим родственникам и друзьям, но они умеют и думать, и говорить, и с ними приходится считаться не только редакторам газет, но и начальникам генеральных штабов. Теперь простые люди не только в Москве или в Дели, но и в Лондоне или в Нью-Йорке, отложив газету, говорят, что пора наконец-то покончить с «холодной войной», перестать жонглировать водородными бомбами, заняться не подготовкой к смерти, а борьбой против смерти, тратить деньги, труд, вдохновение не на планы уничтожения чужой страны и чужих порядков, а на то, чтобы украсить свою страну и улучшить свои порядки.

Всем понятно, что торговые отношения между государствами — это не благотворительность и не надувательство: одни продают нефть и покупают машины, другие продают целлюлозу и покупают шерсть, третьи продают мясо и покупают уголь. У каждой страны есть свои статьи экспорта и свои потребности в сырье или в продукции других стран. Любой американский коммерсант понимает, что выгоднее торговать с бо́льшим количеством клиентов, чем с меньшим. «Холодная война» препятствовала экономическому обмену. На Западе часто поговаривают о возможности кризиса. Я не экономист и не берусь судить, насколько такие предсказания точны, но одно мне ясно: интересы английских, бельгийских, шведских, да и американских промышленников и, конечно же, интересы всех рабочих, занятых в промышленности западных стран, требуют преодоления «холодной войны», требуют экономического сотрудничества.

Наука в наше время развивается так быстро, что, пожалуй, авторам научно-фантастических романов придется переквалифицироваться: пока литератор придумает, пока напишет, утопия станет действительностью. Однако ученые хорошо знают, что «холодная война» угрожает их работе. Над проблемами атомной физики одновременно работали англичанин Резерфорд, французы Фредерик и Ирен Жолио-Кюри, итальянец Ферми, датчанин Нильс Бор, немец Ган, и, когда в послевоенные годы наметилось стремление засекретить научную работу, Жолио-Кюри назвал это «опасным безумием». Американский математик Винер в интересной книге о кибернетике, которая недавно переведена на русский язык, также отвергает попытки разъединить работу ученых различных стран. Но очень трудно топтаться «на грани войны» и поощрять международное сотрудничество ученых. Нужно или вернуться к пещерному веку (чему, разумеется, могут сильно способствовать водородные бомбы), или покончить с «холодной войной».

Не менее важным мне кажется сотрудничество писателей, музыкантов, архитекторов, художников, кинематографистов: ведь никого природа не оделяет всеми талантами и нет избранных народов; издавна гении обогащали мир и сами вдохновлялись чужим творчеством. Лев Толстой говорил, что он многое по-

нял, прочитав роман Стендаля, а Ромен Роллан писал, что без Льва Толстого он не представляет себе дальнейшего развития мировой литературы. Разве Рембрандт раскрыл глаза только голландским живописцам? Разве Дон-Кихот не обошел весь мир? Разве Байрон и своими стихами и всем своим обликом не вдохновил поэтов Европы?

Мы сделали много для того, чтобы расширить культурные связи с миром. Американский пианист вызывал восхищение москвичей. Выставка японского декоративного искусства пользовалась большим успехом. Мы оценили смелость и человечность многих итальянских кинокартин. Переводы книг Хемингуэя и Грина, Моравиа и Сарояна нашли благодарных читателей. Над расширением культурных связей с другими народами энергично работают созданные недавно различные «Общества дружб». (Я принимаю участие в одном из этих обществ и радуюсь, что нам удалось организовать в Москве выставку чудесного французского пейзажиста Марке.)

Если «железный занавес» кажется некоторым дипломатам настолько тяжелым, что они даже не пытаются его приподнять, то народы, любя мир, жизнь, культуру, сумеют пробить дыру в этом занавесе. Очень хорошо, что все больше и больше советских туристов ездят в близкие и далекие страны. Они видят немало замечательных произведений искусства, встречаются с чужими людьми, перед ними оживают страницы прочитанных прежде книг. Очень хорошо, что и к нам приезжает много иностранных туристов. Они видят нашу жизнь, наше миролюбие. Они могут извлечь для себя пользу из того, что им понравилось. Конечно, не всем и не все нравится. Что же, пусть критикуют: если они скажут про наши недостатки, это нам будет только полезно — со стороны порой виднее. Если же они будут осуждать нас за то, что мы — это мы и что наши порядки не похожи на американские, мы ответим им старой французской пословицей: «Угольщик у себя дома хозяин».

Успех Брюссельской выставки, нашего балета в различных странах, прием, оказанный советским виртуозам, гастроли в Москве англичан и французов, различные кинофестивали показывают, что нормальные люди предпочитают увидеть хорошее — свое или чужое, — чем осуждать то, чего они не видели и не знают. Есть, конечно, на свете неисправимые шовинисты и неизлечимые невежды. Недавно я прочитал в американском журнале статью, где автор как бы мимоходом пытается уверить своих читателей, что русские вот уже полвека, как не создали ничего крупного ни в литературе, ни в искусстве. А поэзия Блока? А Горький, которого знают и любят на Западе? А Маяковский? О нем можно сказать, как о Байроне: его поэзия и весь его облик вдохновили зарубежных поэтов. Можно напомнить, что работы Станиславского и Мейерхольда во многом определили дальнейшее развитие западноевропейского театра, что без имен Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко трудно себе представить мировую кинематографию, что музыка Прокофьева и Шостаковича — одно из крупнейших художественных явлений XX века. Впрочем, смешно спорить с человеком невежественным или недобросовестным.

У нас не может быть такого подхода к культуре других народов: мы — интернационалисты, и невежество у нас не ценится. Именно поэтому я должен признаться, что недавно меня огорчила перепечатка одной ведомственной газетой (с сочувственным примечанием) статьи канадского реакционного художника, в которой он развязно именует Сезанна и Ван-Гога «мистификаторами». Это не только обидно для чувства национального достоинства французов и голландцев, это обидно и для советского читателя. Можно подвергать творчество Сезанна или Ван-Гога, как других мастеров XIX века, серьезному социальному и эстетическому анализу, но называть их «мистификаторами» вряд ли пристойно. (Добавлю, что работы названных художников висят в Эрмитаже и в Музее имени Пушкина, где, насколько я знаю, мистификаторам нет места.) Я упомянул об этой неприятной случайности, чтобы подчеркнуть наше твердое желание противопоставить климату «холодной войны» дух подлинного культурного сотрудничества и честного соревнования.

Хотя от природы я не обладаю запасами оптимизма, мне кажется, что перелом в мировом общественном мнении наметился. Все сторонники мира — и те, что начали борьбу вместе с Жолио-Кюри, с Ивом Фаржем, и те, что примкнули к Движению впоследствии, и те, что не хотят слышать о Движении, но борются за мир доступными им средствами, — выполнили огромную работу. Женевские совещания вынуждены теперь прислушиваться не только к директивам правительств, но и к требованиям общественного мнения.

Какая будет радость для всех народов, когда г-н Даллес и его сторонники вместо облюбованной ими позиции «на грани войны» будут писать мемуары или разводить петунии в одном из сорока девяти штатов; когда вместо атомных взрывов народы совместно начнут открытие иных планет; когда по радио будут передавать не режущие слух заявления и ноты, а музыку, рассказы о последних научных достижениях, отчеты о новых постановках! Право же, такая перемена устроит все народы. Пора кончить с отвратительной «холодной войной»!

Жизнь, как только победят сторонники мира, станет легче, светлее, чище. Научный прогресс принесет материальное благополучие. Но человеку, если он только достоин называться человеком, этого мало. Теперь в Америке увлекаются кибернетикой — наукой о «мыслящих машинах». По словам профессора Винера, можно сделать машину, которая будет играть в шахматы не хуже рядового шахматиста. Винер добавляет, что, конечно, такая машина не сможет играть, как большой мастер, — от нее нельзя ждать тех неожиданных ходов, которые кажутся сначала ошибкой и которые свидетельствуют о творческом гении. Если человек может создать любую, даже самую фантастическую машину, то машина никогда не сможет заменить творчество человека.

Без искусства, без взлета и крыльев жизнь приземляется, становится серой, грубой. Ромен Роллан, рассказывая о гениальном человеке эпохи Возрождения, Микеланджело, который был скульптором, живописцем, архитектором и поэтом, пишет: «Я не думаю, чтобы все люди могли жить на таких вершинах. Но пусть хотя бы раз в год они совершат туда паломничество, они обновят дыхание и кровь. Они возвратятся в долины с сердцем, закаленным для повседневной борьбы». Раз в год. Может быть, под Новый год? Задуматься над самым важным, прочитать прекрасные стихи или послушать высокую музыку, попытаться взлететь, окинуть взглядом и прошлое и настоящее, заглянуть в будущее...

Из писем родным и друзьям

Когда год подходит к концу, приятно оглянуться на пройденный путь, вспомнить самое хорошее, самое радостное... Об этом говорят с друзьями, об этом вспоминают за праздничным новогодним столом, об этом пишут письма...

Редакция обратилась к своим читателям с просьбой: познакомьте нас, если это не секрет, с вашими новогодними письмами родным и друзьям.

И вот с согласия авторов мы публикуем на страницах журнала часть этих писем.

Спасибо за учебу!

Енакиево, металлургический завод,
главному инженеру Н. М. МИЩЕНКО

Дорогой Николай Михайлович!

В четвертый раз я встречаю Новый год далеко от Енакиева и от людей, с которыми сдружился, работая вместе на заводе. Донецкие металлурги, и в особенности вы, мой первый учитель, помогли мне, мальчику из грузинской деревни, стать квалифицированным рабочим, мастером доменной печи. Вспоминаю, как перед моим отъездом на родину — в Грузию — вы пожелали мне самого лучшего, что только может желать рабочий человек: отлично плавить чугун.

Прошло четыре года, и ваше пожелание сбылось. В этом году Указом Президиума Верховного Совета СССР мне присвоено звание Героя Социалистического Труда. Высокая эта награда принадлежит и вам, Николай Михайлович, и другим енакиевцам — моим воспитателям, и молодым грузинским доменщикам, которые начинают теперь в нашей республике соревнование бригад коммунистического труда.

Вместе со своей семьей, в которой растут нам на смену еще два «юных доменщика» — сыновья мои, Эдуард и Юрий, — шлю вам из Рустави дружеский новогодний привет.

Вардиш КОБЕРИДЗЕ,
старший мастер доменного цеха Закавказского металлургического завода имени Сталина.

Рустави.

Вардиш Коберидзе с сыновьями Эдуардом и Юрием.

Рабочий 2-го автобусного парка А. Ларионов на выставке своих работ.

Персональная выставка

Калининград, Морское агентство,
Авениру Алексеевичу ЛАРИОНОВУ

Дорогой брат!

Пишу тебе в свободную минуту, перед занятиями в изостудии. Рад сообщить, что минувший 1958 год ознаменовался большими событиями в моей жизни. За работы, показанные на Ленинградском весеннем фестивале искусств, я награжден жетоном. А в последние дни 1958 года в Выборгском доме культуры открылась моя персональная отчетная выставка. В большом зале показано свыше ста полотен, написанных мною за последние шесть лет. На обсуждении выставки, в котором участвовали художники-профессионалы, я услышал много теплых слов, деловых критических замечаний и хороших напутствий. Хочется работать еще серьезней, еще лучше отображая нашу действительность. Сейчас пишу этюды, работаю над эскизом большой тематической картины.

Поздравляю тебя и Клаву с Новым годом, желаю вам счастья и успехов в труде!

Твой ТОЛЯ

Ленинград.

Б. ПОЛЕВОЙ,

П. ИВАНОВ

А. Н. Белов. Фото Н. Чамова.

Господин ПРЕЗИДЕНТ КОЛХОЗА

Когда дела в «Красном путиловце» по-настоящему наладились, трудодень стал высок, устойчив и в дома колхозников пришло прочное изобилие, председатель артели Алексей Николаевич Белов, человек обычно по горло занятый, вдруг ощутил груз своих немолодых уже лет. Не то чтобы стал уставать. Нет! Он привык жить в постоянных хлопотах и заботах. Вне этих хлопот и забот он вообще не мыслил себя. Просто все чаще стало почему-то приходить в голову: а что, если заболею, слягу, если сдаст сердце? Кто поведет дела? Кому сдать большое, сложное, процветающее хозяйство? Кто сумеет, приняв его, не уронить славу колхоза, вести его к новым достижениям?

Нельзя сказать, чтобы в колхозе не было достойных людей. Лучше всего это знал сам Алексей Николаевич. В бессонные ночи, охваченный грустным беспокойством о будущем, он, лежа на кровати, начинал перебирать их имена. Вот Михаил Иванович Махонин, бригадир, знаток агротехники, крепкий коммунист. Этот знает все здешние земли лучше, чем собственный огород. Сумеет вовремя посеять и вовремя убрать. Горячий, деятельный мужчина... А Михаил Яковлевич Лясников? Ничего не скажешь: тоже настоящий человек, смышленый, разбитной, жадный до всего нового, честности безукоризненной, и авторитета ему не занимать... А Анна Ивановна Колюбякина, зоотехник? Умница. Ясная голова. Да что там говорить, богат, богат хорошими людьми «Красный путиловец»!

И все эти люди, выросшие на глазах, как живые, вставали перед председателем в те томительные ночи. Но и это не успокаивало. Новая дума начинала будоражить старого колхозного вожака: хороши-то они хороши, все вместе — великая сила, а вот хватит ли у любого из них способностей, ума и воли забрать в руки все ниточки руководства? И тут же появлялась еще одна тревога: вон он как вырос, «Красный путиловец», чуть ли не волость по старой мере! Такой колхоз без связи с наукой не поведешь.

И вот лежал Алексей Николаевич, до утра не смыкая глаз, слушал, как звенят стекла, сотрясаемые машинами, что бегут из Кашина на Калинин, как рокочут на дальних полях тракторы, как гудят под окном провода, и мысль его невольно обращалась к молоденькому черноглазому пареньку: уже второй год он приезжал в колхоз на практику из Москвы, из Тимирязевской академии.

Много их побывало в «Красном путиловце», практикантов. Парни и девушки. Были среди них выходцы из колхозов, с детства привыкшие к земле. А вот в сердце председателя почему-то запал именно этот городской, на вид совсем далекий от крестьянских дел, хрупкий молодой человек. И, измаявшись от бессонницы, под утро Алексей Николаевич неизменно приходил к выводу: вот его бы к нам залучить!

Городской этот парень полюбился старому колхозному вожаку да и другим артельщикам тем, что сумел как-то незаметно за месяцы практики вжиться в многообразие колхозных забот, вглядеться в людей, сдружиться с ними, а главное, смело и не навязчиво двигал он на поля всякие новшества и, уж коли что-нибудь начинал, непременно доводил до конца. В «Красном путиловце» это ценили. Звали практиканта в отличие от других «наш Анатолий», а по окончании практики провожали, как родного, с песнями, с пожеланиями и даже с выпивкой, хотя сам отъезжающий не брал в рот хмельного. И вот однажды на заре весеннего утра, в тот час, когда последние соловьиные трели мешались уже с гулом тракторов, вышедших пахать майские пары, принял председатель решение: добывать в заместители бывшего практиканта, который в том году оканчивал академию.

Даже те, кто знал авторитет и известное на весь район упорство путиловского председателя, такую затею встретили с сомнением. По действовавшим в ту пору правилам агрономы из Тимирязевки направлялись только в МТС. Но забота о будущем своего колхоза сообщила Алексею Николаевичу прямо-таки богатырскую настойчивость. Заручившись согласием выпускника, старик стал ходить по кабинетам министерства, спорил, убеждал, доказывал, пока не добился, чтобы в исключение из общего правила молодого агронома направили к нему.

С радостью, как родного сына, встретили краснопутиловцы Анатолия Соловьева. В заместители председателя избран он был единодушно. Спеша поскорее ввести его в курс дел, Алексей Николаевич целыми днями разъезжал на своей «Победе», показывая богатейшее хозяйство. Показывал и наблюдал из-под набрякших, тяжелых век, как юноша живо и жадно схватывал на лету стариковские мысли, вникал в сложные дела. Радовался председатель: вот она, смена, этот выдюжит, не уронит!

И тут началось то, чего меньше всего ожидал Алексей Николаевич. В развороте колхозных дел, в решении новых и новых задач, в заботах о хозяйстве, которое все росло да росло, как-то незаметно для самого председателя стали исчезать печальные мысли о немолодых годах, о слабеющем сердце и бренности всего земного. Не узнавая себя, прямо-таки с юношеской энергией Алексей Николаевич погружался в дела.

А было их много. Когда Алексей Николаевич только принимал колхоз, «Красный путиловец» был тщедушным хозяйством двух смежных маленьких деревень: Путилова и Глазатова. Стояла весна. На поля выходили лишь женщины да ребятишки. Работали вяло, нехотя: урожайность не превышала 7 центнеров, а на трудодень выдавали по 23 копейки.

В 1949 году, к которому относится начало нашего повествования, колхоз считался уже одним из лучших в Калининской области. Собрали по 26 центнеров зерновых, по 30 центнеров картофеля и, что особенно важно, по тонне льноволокна с гектара.

О «Красном путиловце» стала говорить вся область, но Алексея Николаевича и колхозных коммунистов это не успокаивало. Колхоз их налился соками, разбогател, а вот рядом, на таких же почвах, при такой же погоде, люди брали от земли втрое да и впятеро меньше. Как же так? И новые заботы стали одолевать председателя. По почину самих путиловцев было принято решение укрупнить знаменитую артель. Колхоз добровольно принял под свою крышу еще пять хозяйств, из которых лишь одно держалось на среднем уровне. Риск? Да, риск. Алексей Николаевич не скрывал этого от колхозного актива.

— Либо они наши традиции перемелют, либо мы перемелем их повадки, — так прямо и говорил он своим старым соратникам.— Их вдвое больше, но мы впятеро дружней, крепче. Мы уж к богатой жизни дорогу протоптали. Нас, я полагаю, с нее не собьешь... Вот увидите, как новички за нами потянутся. Что там потянутся, бегом побегут! Кто ж себе враг?!

Не будем приукрашивать действительность. Не всеми и не сразу была понята забота председателя об отстающих соседях. Поначалу поддержали его лишь коммунисты.

— Ведь и так хорошо живем, на всю область гремит колхоз, чего ж тебе еще, Николаич, не хватает? И почет, и деньги, и ордена — все у тебя есть. Чего еще хочешь? Нет, не согласны мы с тобой...

Всякое было в те дни. И сомнения, и возражения, и недовольства, и даже жаловаться в райком ходили.

Но председатель убедил своих односель-

Старший агроном колхоза «Красный путиловец» А. Я. Соловьев проводит занятия по агротехнике.

чан. Колхоз укрупнился, и три последующих года показали людям, что поступили они правильно. Вновь влившиеся колхозы, став бригадами «Красного путиловца», работали не хуже, а некоторые и опережали старожилов. Слава «Путиловца» упрочилась, опыт его становился достоянием уже не только области, но и всей страны. Занял он свое место на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, о делах колхоза писали брошюры. В документальных фильмах показывали, как калининские льноводы раскрывают «секреты» северных подзолов.

Казалось, все резервы исчерпаны. Скупые суглинки нигде и никогда больших урожаев и не давали. Но, ободренные решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС, краснопутиловцы экспериментировали, ставили новые и новые опыты, все чего-то искали. Каждый гектар земли из года в год использовался разумнее, производительнее. И вот был сделан новый, невиданный рывок, позволивший превзойти научные нормы. К концу 1957 года на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий «Красный путиловец» произвел около 600 центнеров молока и 78 центнеров мяса. И, что особенно ценили калининцы, снова после укрупнения колхоз собирал на всей площади 9—10 центнеров льняного волокна с гектара, более 150 пудов зерна, более 700 центнеров сочной кукурузы.

Поля «Красного путиловца», его фермы стали теперь в некотором роде показательными. Областной комитет партии посылал сюда секретарей райкомов, председателей колхозов, как посылают людей учиться в университет. Сюда зачастили делегации из других районов области. Здесь проходили практику молодые партийные работники, направляемые в деревни.

Когда-то Алексей Николаевич был организатором первого колхоза в Ржевском уезде. Радостно было ему теперь щедро делиться достижениями колхозного строя, опытом «Красного путиловца». И весело было у него на душе, когда узнавал, что кое-кто из тех, кто приезжал к нему учиться, впоследствии не только догонял, а и начинал опережать «Красный путиловец». Тут же, в Кашинском районе, у Белова появились последователи, по-научному освоившие травополье, сортовое семеноводство, вызвавшие к жизни чудодейственную силу зеленого конвейера. Ревностные соперники Белова — председатели артелей «Россия» Сергей Воронов и «Новый путь» Петр Козлов — в иные годы превосходили достижения «Красного путиловца».

— Гляди, Николаич, на пятки тебе наступают,— шутили коммунисты на районных активах.

— Пусть,— отвечал Белов, скупо посмеиваясь в свои седые, подстриженные «ворошиловские» усы,— пусть и нас подталкивают. Да и велика ли беда, если они нас обгонят? Свои люди, а не какая-нибудь Америка.

В том, что нынче в Кашинском районе не будет ни одного отстающего хозяйства, велика заслуга райкома партии, который заботливо, по крупицам собирал в колхозах передовой опыт и делал его достоянием всех земледельцев. В этом, как говорил нам Алексей Николаевич, и есть его самая заветная радость.

— У нас ведь не украинские черноземы и не абхазское солнышко. Земли наши скупы, тепла нам в обрез отпускается. Однако, если ко всему с умом приступить, и наша земелька расщедрится. Самое важное — заставить ее, суровую, колхозным людям улыбнуться. А уж как улыбку ее люди увидят, пойдет настоящая работа,— говорил он, и речь его из деловой и суховатой вдруг становилась поэтической, как всегда бывает с людьми, когда они толкуют о чем-то своем, душевном, мечтательном.

В 1958 году «Красный путиловец» был выдвинут экспонентом Всемирной выставки в Брюсселе. О его достижениях не без некоторого сомнения писали в буржуазных газетах. Председателя торопили приехать на выставку. Но только осенью, когда схлынула страда, Алексей Николаевич решился оставить хозяйство на верного своего заместителя Анатолия Соловьева, уложил чемодан и отправился в столицу Бельгии.

И вот пожилой, плотный человек в темном свободном костюме бесшумной, медвежеватой, с развальцей походкой движется в кипении пестрой толпы, осматриваясь вокруг будто бы на первый взгляд и сонными, а на самом деле цепкими, зоркими, до всего жадными, все примечающими глазами. Редкие седоватые волосы тщательно зачесаны на пробор. Высокий лоб. Движения спокойны, уверенны. Посмотришь на него, и трудно определить, кто он: крупный ли хозяйственник, из тех, кто ворочает многомиллионными делами, видный ли инженер или ведущий конструктор, а может быть, заслуженный врач либо учитель.

Неторопливым, хозяйским шагом поднимается по широким ступеням Советского павильона депутат Верховного Совета СССР А. Н. Белов. С виду он совершенно спокоен. И друзьям, что идут рядом с ним, нипочем не угадать, как взволнованно бьется его сердце. Вот сейчас тут, в чужеземном городе, в водовороте звонкоголосой, многоязычной толпы, увидит он знакомые пейзажи, знакомых людей. Здесь, где государства мира выставили лучшее, что у них есть, увидит он родной «Красный путиловец». И председатель волнуется: как-то он выглядит, их стенд? Не ударили ли землячки лицом в грязь перед всеми этими иностранцами? И еще волнуется он оттого, что сейчас вот его взору откроются знакомые, дорогие сердцу кашинские края, от которых чудесный самолет за два с половиной часа занес его в столицу Бельгии.

На миг беспокойная эта мысль выпадает из головы. Перед Алексеем Николаевичем скульптура Ленина. Знакомый, дорогой образ. Председатель колхоза видит, как бесконечный человеческий поток, льющийся через Советский павильон, у подножия скульптуры словно раздваивается, замедляет свой ток. Он видит, как от этого потока отделилась женщина с девочкой, наклонилась и положила к подножию памятника несколько цветков. Цветы — их тут много — лежат здесь, должно быть, с утра, и пахнет от них сыростью, сеном, полем. От всего этого Алексей Николаевич так заволновался, что все вокруг начало туманиться. Он идет уже машинально, все оглядываясь на скульптуру и лежащие у ее подножия цветы, пока кто-то из спутников, дернув за рукав, не говорит ему прямо в ухо:

— Эй, Николаич, гляди-ка, это ж ты! Ей-богу, ты! Ну посмотрите, до чего ж он шикарный!

И в самом деле, на стене большая, в человеческий рост фотография, на которой снят он сам, а внизу, на стенде, демонстрируются достижения его колхоза. Знакомо все-все, до мелочей. И могучий сноп льна,— кажется, тронь его, и он зашумит сухими головками,— и увесистые, будто маслом намазанные кулитки волокна, и макет селения, где можно без труда различить знакомые домики Марии Ивановны Борисовой, Николая Николаевича Трубкина, Евдокии Алексеевны Смирновой, что расположены поближе. А вон и клуб — предмет гордости «Красного путиловца», куда кашинские девчата бегают за пять километров на постановки или на танцы. И макет библиотеки и могучие колхозные службы, раскинувшиеся у околицы. Как все это особенно дорого здесь, вдали от Родины, когда вокруг тебя тысячи и тысячи людей говорят на языках, из которых ты ни один не понимаешь!

А его уже узнали. Люди с любопытством смотрят то на фотографию, то на коренастую фигуру живого председателя. Гид просительно трогает за рукав.

— Господин президент колхоза! Эти господа спрашивают вас...

И один за другим сыплются вопросы. И уж вездесущие репортеры тут как тут. Мелькают молнии фотовспышек, жужжат киноаппараты.

— Господин председатель! Вот этот человек хочет узнать...

Вопросы продолжаются. Всякие вопросы: умные, глупые, смешные, злые. Но больше всего любопытных, в которых сквозит горячее желание вызнать правду, разобраться в сути колхозного хозяйствования, о котором все эти разноплеменные господа прочитали в разное время столько чепухи.

С достоинством, привычно и свободно отвечает на вопросы Алексей Николаевич. Говорит, а глаза его прикованы к родным пейзажам, что смотрят на него со стены, к картинкам родной жизни. Вот колхозная свадьба: Сережка Рудалев из алексеевской бригады на лошадях катит с невестою Тамарой и разодетыми дружками в Кашин, в загс... Славные ребята, доброго вам пути! Вон Лидия Анисимова кормит грудью малыша. Хорош малыш, теперь уже на собственные ногах топает... Бабка Акулина Дымарева ведет внучка в первый раз в школу, и новая фуражка смешно торчит на мальчонке, так и хочется ее поправить...

«Милые вы мои, как же мне вас недостает! — думает «господин президент» колхоза, вежливо удовлетворяя любопытство всяких иностранных людей. И еще думает: — Вот уж верно: в гостях хорошо, а дома лучше».

И мысль его уже унеслась с этой выставки, которая сейчас гремит, шумит, сверкает огнями реклам, в далекий «Красный путиловец», что под старинным русским городом Кашином, где все эти люди, фотографии которых развернуты на стенде, на скупых тверских землях добывают невиданные урожаи. Думает он и о том, как-то там без него ведет хозяйство верный ученик и друг Анатолий Яковлевич Соловьев; умный, ученый парень, а все ж беспокойно. Хороший, да не свой глаз. И о том думает председатель, как колхоз, еще раз укрупнившись в этом году, собрав под свою крышу уже девятнадцать деревень, будет жить и работать в новых, невиданно огромных масштабах. Думает о новых бригадирах, и о новой системе учета, и о многом другом, родном, сложном, интересном. Думает он о том, что скоро XXI партийный съезд — какие раскроет он перед колхозными людьми горизонты!.. И совсем уже не думает старый колхозный вожак ни о пожилых своих годах, ни о том, что серебрятся волосы, а усы стали совсем сивыми, ни о сердце, которое нет-нет да и начинает пошаливать. Некогда об этом думать председателю.

Колхоз «Красный путиловец»,
Кашинского района,
Калининской области.

НОВЫЙ ГОД

Юсуп ХАППАЛАЕВ

Звонкой медью полночь бьет.
И уже перед крыльцом
Появился Новый год
Белогривым жеребцом.

От подков, хоть ночь темна,
Льется свет во все концы:
Подковали скакуна
Лунным блеском кузнецы.

Их в лицо мы знаем всех —
Моложавых и седых —
Кузнецов двенадцать тех,
Поименно знаем их.

Конь горяч, и оттого
Закусил он удила.
Кто-то вскочит на него,
Кто-то упадет с седла.

Друг, к вершинам поспеши
Скакуна направить бег.
Мы за молодость души,—
Пусть не старится вовек!

Пусть из-под копыт во тьму
Брызжут искорки огня.
Не стреножить никому
Белогривого коня.

Ногу в стремя!
Рог трубит.
И, поднявшись в полный рост,
Как обычай нам велит,
Пьем до дна стремянный тост!

Перевел с лакского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Из писем родным и друзьям

Приезжай, посмотришь!

Архангельск, Лесотехнический институт, 3-й курс.
ДЕМИНОЙ М. П.

Маша, милая!
Я очень и очень счастлива! Пожалуйста, не улыбайся. Причины есть, и серьезные. Помнишь, я тебе писала о Володе Грошеве, молодом маляре в нашей бригаде? Год назад он пришел в бригаду из армии. Ты уже, наверное, и тогда подумала: «Что это Валя так часто стала о нем писать, неспроста это!» Ты права, Маша, милая! Это было неспроста. Мы полюбили друг друга и совсем недавно сыграли свадьбу.

А знаешь, какой свадебный подарок сделали нам товарищи из нашего строительного управления? Ключ от комнаты! Да, ключ от большой, с двумя окнами комнаты! Теперь я уже распрощалась с девчатами из общежития и переехала в нашу с Володей комнату.

Обязательно приезжай, посмотришь, как у нас хорошо. Мы живем в новых домах в Городской роще. И это не просто название. Прямо под нашими окнами раскинулся огромный парк. Представляешь, как красиво будет весной, когда все зацветет? А немного подальше — речка Винница. Словом, приезжай, сама все увидишь.

На работе у меня все по-старому. Сейчас наша строительная бригада заканчивает отделку нового здания института. Укладываем паркет, белим потолки, красим стены, а сами все время любуемся: не институт будет — дворец! Если ты приедешь летом, то увидишь уже законченное здание института. Это как раз рядом с нашим домом.

Пиши и обязательно приезжай.

Целую тебя. Валя, но уже не Мурзина, а Грошева.

Рязань.

Д. Бальтерманц.

Я. Брыль.

Р. Гамзатов.

О. Гончар.

П. Караченцов.

В. Кулемин.

С. Никитин.

В. Перцов.

Г. Радов.

А. Твардовский.

И. Тункель.

В. Федоров.

В. Фирсов.

Я. Хелемский.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр ГОВОРОВ

В мирный вечер

На полуюте полумрак,
Звенит гитара, замирая.
И песнь, задумавшись, моряк
Поет, о доме вспоминая.
Звенит струна, струит струна
Воспоминанья о любимых...
На полуюте тишина.
Молчат матросы-побратимы.
Молчат. И в мыслях видят дом,
Подсолнух, свесившийся
с тына...
Волна змеящимся клубком,
Дробясь, уходит под эсминец.
Взревев, заохал океан.
Виденья — прочь!
Тревога! К бою!..
И улыбнулся капитан:
— Добро! —
И дал сигнал отбоя.

Письмо

Пришло письмо
С заветным почерком.
Сто раз читал —
Не прочитал.
Я в каждой букве,
В каждом росчерке
Улыбку девушки
Видал.
И снова, снова перечитывал...
Уж ночь на улице давно.
Мне даже месяц
Позавидовал,
Всю ночь косясь
В мое окно!

В. Рогачева на занятиях в заочном филиале Политехнического института.

Теперь я студентка!

Ленинград, улица Энгельса, 27,
Светлане ЧУЛКОВОЙ

Дорогая Светлана!
Вот уже прошло три года с тех пор, как мы окончили школу и покинули родной Черкесск. Помнишь, как мы мечтали о будущем, думали о вузе, хотя не совсем представляли себе, в какой же поступать. Вот тогда я и решила пойти в техническое училище и для начала получить рабочую специальность. Через год стала токарем и уже почти два года работаю у станка на заводе «Уралэлектроаппарат». Вначале было, конечно, нелегко, а теперь план выполняю на 150 процентов и мастер меня хвалит. Не думай, пожалуйста, что хвастаюсь, но это действительно так.

Но главное, конечно, то, что точно определилась и моя дальнейшая судьба. Токарное дело полюбила и окончательно выбрала специальность: буду инженером-механиком. Летом сдала экзамены, и ты можешь меня поздравить: вот уже четыре месяца, как я студентка заочного отделения механического факультета Уральского политехнического института.

Филиал института в этом году открылся прямо у нас на заводе — даже из проходной выходить не надо. В нем девять просторных аудиторий, а студентов около ста. Работать я, конечно, не бросаю, хотя скажу прямо, что приходится иногда трудновато. Но я все же счастлива. Чувствую, что только таким путем я добьюсь цели, смогу стать настоящим инженером.

Желаю успехов в новом году.

Валя РОГАЧЕВА

Свердловск.

Премии журнала «Огонек» за 1958 год

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила ежегодными денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1958 года. Премированы авторы: Д. Бальтерманц (фоторепортаж «На Тихом океане» — № 39), Я. Брыль (рассказ «Надпись на срубе» — № 20), Р. Гамзатов (поэма «В горах мое сердце» — № 33), О. Гончар (рассказ «Маша с Верховины» — № 26), художник П. Караченцов (иллюстрации к рассказу Ф. Харди «Такой же, как прежде» — № 8), В. Кулемин (поэма «Я — Малахит» — № 44), С. Никитин (рассказ «Крах» — № 35), В. Перцов (статья «Поэма о море народном и ее автор» — № 45), Г. Радов (рассказ «Теща» — № 19), А. Твардовский (рассказ «Печники» — № 7), И. Тункель (фото «Телефонистка Лиза Ванюйто» — № 44), В. Федоров (очерк «Северные клады» — № 45), В. Фирсов (стихи «Смоленские края» — № 16), Я. Хелемский (перевод поэмы Р. Гамзатова «В горах мое сердце» — № 33).

Воронежские покупки

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

К нам, колхозные подруги,
Просим в гости приезжать.
Ведь сейчас родной Воронеж,
Скажем прямо, не узнать! —

поется в воронежской частушке. Это действительно так. Вечером, когда на проспекте Революции вспыхивают разноцветные неоновые рекламы, эта главная улица Воронежа напоминает то ли столичную улицу Горького, то ли Невский...

«Покупайте воронежский сыр — шоколадный, с лимоном, с апельсином!» — светится на фоне темного зимнего неба. Красными, зелеными, желтыми огнями вычерчены вывески над витринами: «Подарки», «Мороженое», «Кулинария», «Детский мир», «Гастроном», «Головные уборы»...

Вот построенный год назад центральный универмаг. Он занимает новое светло-серое трехэтажное здание с высокими нарядными витринами. До войны такого универмага в городе не было.

Жизнь здесь начинается рано, задолго до того, как раскроются входные двери. Продавщицы убирают прилавки, шкафы, раскладывают новые товары, а заодно и сами прихорашиваются у зеркал. В магазине 240 продавцов, и среди них только 17 мужчин. Поистине женское царство!

Раздался звонок. Людской поток хлынул на этажи в залы, салоны. Торговый день начался.

Пройдемся же по магазину, посмотрим, что покупают воронежцы, какие новогодние обновы уносят они отсюда.

Много женщин в салоне легкого платья. Появились красивые и недорогие наряды. Покупательницы еще и еще раз осматривают ткань, советуются с продавщицами и наконец решаются:

— Выпишите чек...

Иначе обстоит дело у мужчин. Около прилавка, где продают зимние пальто, небольшая очередь.

— Наше? — спрашивает пожилой мужчина, надевая пальто.

— Отечественное.

— Драп неплохой. Заверните, пожалуйста!

Однако есть и недовольные.

— Фасон староват, — замечает парень, отходя от прилавка.

Не удовлетворен ассортиментом и грузный мужчина: пальто по его размеру не нашлось.

— Не признают нас, толстяков, — бурчит он, направляясь к выходу.

Оживленно там, где торгуют тканями. На протяжении часа одиннадцать человек ушли со свертками в руках.

В салоне женских шляп в открытых шкафах выставлено более ста образцов. Любой можно примерить. Покупательницы неторопливо обходят шкафы и, не отрываясь от зеркала, осматривают себя со всех сторон. Да, нелегкое это дело — выбрать шляпу!

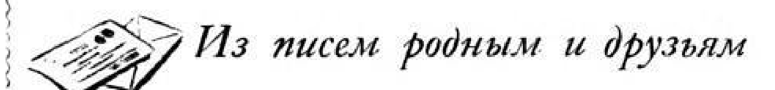
Вот уселись перед зеркалом две подружки, студентки музыкального училища Валя Капущенко и Тамара Михедина. Примеряют то одну, то другую, то третью шляпу. Все хороши, когда ты молода.

— Как же быть? — спрашивает Валя.

Тамара молчит.

Мы оставили подружек решать этот сложный вопрос.

Неподалеку продают вещи куда более громоздкие: телевизоры и радиоприемники. В Воронеже завершается строительство нового телевизионного центра, и многие горожане, торопясь закупить телевизоры, стараются утром поспеть к самому открытию универ-

Из писем родным и друзьям

О том, что никогда не забудется

Южно-Сахалинск, главному врачу поликлиники Л. С. КАРТАШЕВОЙ

Дорогая Лидия Степановна!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом! Делаю это несколько раньше, чем принято: ведь моему письму предстоит долгий путь. Но не только это побудило меня немедленно взяться за перо. На днях меня пригласили на собрание студентов-выпускников Воронежского медицинского института, чтобы я ознакомила их с жизнью на Сахалине, куда некоторым из них предстоит поехать на работу. Я рассказала о том, как три года работала в сахалинском шахтерском поселке со сказочным названием Синегорск и в городе Южно-Сахалинске. Это были замечательные, счастливые годы моей самостоятельной жизни после окончания Воронежского медицинского института! Конечно, не забыла я и красот далекого Сахалина. Но больше всего я говорила о замечательных сахалинских жителях. Мне не нужно было для этого далеко ходить за примерами: я рассказала о том, как встретили меня, молодую воронежскую девушку, впервые в жизни оставившую родной город и добровольно приехавшую на Сахалин.

В этом письме хочу поделиться с Вами большой радостью, рассказать Вам об одном знаменательном дне 1958 года, когда я впервые в жизни вернула зрение двум советским людям. Вы знаете, что еще на Сахалине я делала небольшие глазные операции, но на экстракцию катаракты — удаление помутневшего хрусталика — не решалась. С тех пор я окончила ординатуру и значительно повысила свою квалификацию.

Я волновалась еще задолго до начала операции. Больным, Тихону Петровичу Воротилину и Матрене Гордеевне Сухановой, воронеж-

мага. Знакомимся с двумя покупателями, Сергеем Афанасьевичем Сильченко и Борисом Гавриловичем Мезенцевым. Соседи по квартире, они сообща приобрели «Рекорд».

— Мы и так часто ходим в гости друг к другу, а теперь уж и вовсе,— шутит Сергей Афанасьевич.

Слесарь Виктор Кузнецов долго и внимательно осматривает мотороллер.

— Думаете купить? — спрашивает продавщица.

— Обязательно!

— Что ж, выпишем?

— Еще похожу, погляжу... Это вам не шляпа!

За несколько месяцев универмаг продал сотни мотоциклов и мотороллеров. И все-таки в самый разгар сезона в них ощущался недостаток.

Растет спрос воронежцев на дорогие вещи. Загляните в ювелирный отдел. Здесь под стеклом ярко блестят драгоценные камни, но, пожалуй, еще ярче — глаза покупательниц.

— Есть женские золотые часы?

— Сейчас нет. Возьмите металлические, очень хорошие.

— Хочется золотые...

А что касается золотых обручальных колец, то на сей счет даже частушка сложена:

Выйти замуж захотела,
Мать сказала: «Это дело!»
Жениха нашла милого —
Нет колечка золотого...

— Вот они, «воронежские страдания»! — сокрушенно вздыхает парень у прилавка.

К «воронежским страданиям» можно причислить еще и... мясорубки. Хотя местные заводы давно представили торгующим организациям образцы мясорубок, но массовое производство их еще не налажено.

— Впору продавать мясорубки в качестве подарков! — жалуется директор универмага И. Х. Куликов.

Это сказано, конечно, в шутку. Воронежцы любят подарки и преподносят их по разным поводам. В граверной мастерской при универмаге нас познакомили со множеством надписей — на подстаканниках и портсигарах, на стопках и рюмках, на чашках и графинах, на вазах и портфелях.

Переходим в самый веселый отдел, где продают музыкальные инструменты. Здесь мы встретили приехавшего из Лисок директора электростанции В. Ф. Буксеева. Он покупал для своего сына, пятиклассника Володи, ростовский баян. Рядом у прилавка слесарь Петр Баладорин перебирал струны гитары. Молодежь толпилась там, где продают пластинки.

Людно и в отделе ковров: за два месяца продано 720 ковров и 1 550 метров ковровой дорожки. Вот одна из покупательниц — Лидия Федоровна Денисова, заведующая кафедрой общей химии Воронежского медицинского института.

— К Новому году обнова. Давно мы к ковру прицениваліись. Еще и холодильник удалось к празднику приобрести...

К сожалению, Денисовой пришлось стоять в очереди. Холодильников, стиральных машин, пианино в Воронеже, как, впрочем, и в других городах, еще не хватает.

Но вот уж чем гордятся воронежцы, так своим «Детским миром». Не знаем, так ли это, но они уверяют, что он «единственный в стране», если не считать, конечно, столичного детского универмага.

В высоком, залитом светом «Детском мире» Воронежского универмага всегда много людей, шумно. Звонкие детские голоса перекликаются с пронзительным «уйди-уйди», переливчатые трели губной гармошки — с барабанным боем. А румяные куклы на полках соперничают в нарядах с белоснежными дедами-морозами.

Покупки в руках и у взрослых и у детей...

Одну из покупок — красивое светло-коричневое пианино — мы сопровождали к ее владелице, инженеру Гарсиа Уэрта Ампаро. Испанка, дочь погибшего антифашиста, она выросла в Советском Союзе и приехала в Воронеж после окончания московского вуза вместе с мужем, тоже молодым инженером.

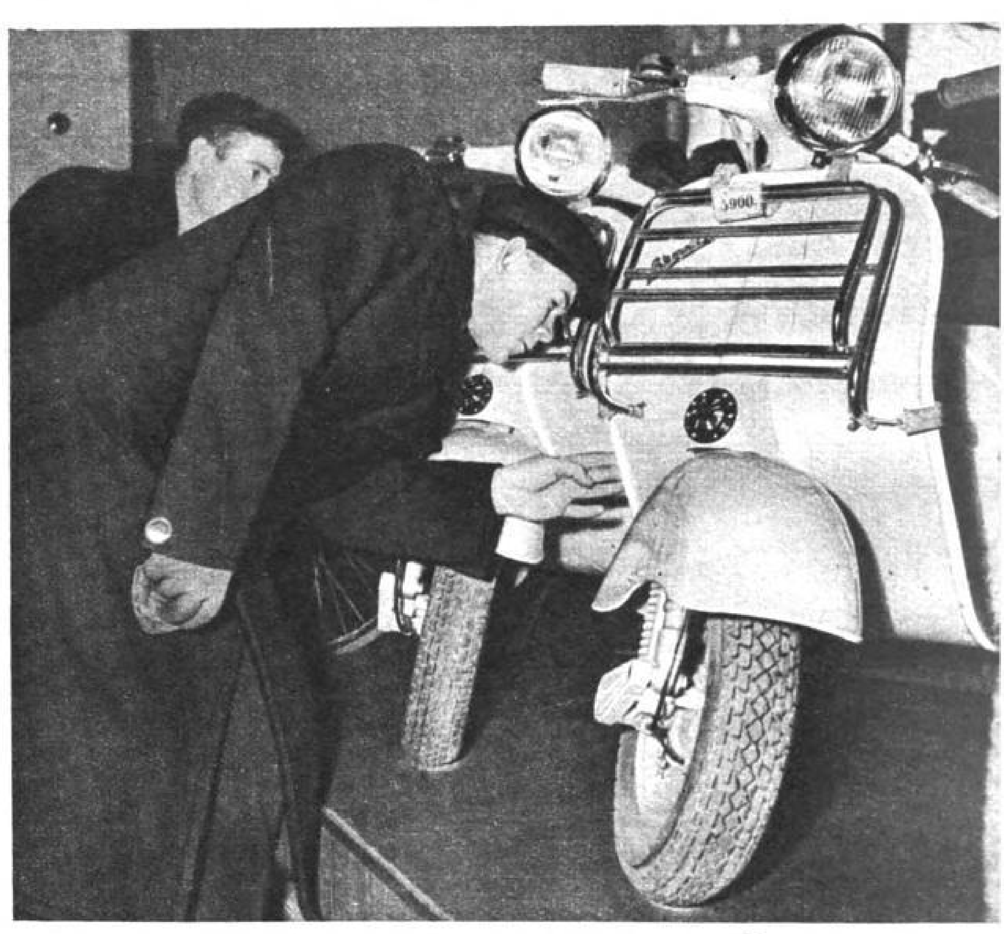
Сколько радости было в эти часы в семье Гарсиа Уэрта Ампаро, особенно у маленькой Раи, ученицы музыкальной школы!

...И вот мы снова на широком проспекте Революции. Смеркается. Люди идут со свертками и пакетами. Может быть, вот эта женщина в меховом пальто унесла из центрального универмага двадцатитрехтысячную по счету — последнюю — покупку за сегодняшний день...

Только один этот крупнейший в городе магазин продает каждый месяц товаров на 22 миллиона рублей.

В универмаге. Две подружки — студентки музыкального училища Валя Капущенко (слева) и Тамара Михедина.

Долго осматривал мотороллер слесарь Виктор Кузнецов.

ским колхозникам, было уже за семьдесят. И мне предстояло вернуть им зрение!

Не стану описывать все свои переживания. Дело не в этих переживаниях. Важно, что слепые прозрели. Тихон Петрович даже сказал мне: «А у тебя, доктор, губы накрашены». И для меня это было лучшей похвалой.

Своим успехом я во многом обязана Вам, опытному врачу и замечательному человеку, который учил меня, как жить и работать. Вот почему в заканчивающемся 1958 году мне захотелось поделиться с Вами своей радостью.

С Новым годом, с новым счастьем, родная Лидия Степановна!

Ираида **ИКОРСКАЯ**

Воронеж.

На снимке: врач Ираида Икорская.

В счет 1962 года

г. Усть-Кут, Иркутской области, В. И. МАСЛИЮ

Уважаемый Василий Иванович!

Спасибо за ваше теплое письмо и пожелания успехов. Вы были первым, кто поздравил меня с производственными успехами, о которых сообщила газета. Не знаю, возможно, мы и отдаленные родственники. В моем родном Гадяче Маслиев было много.

Вы просите меня рассказать о своей работе. Трудно это, конечно, сделать в коротком письме. Идут сейчас последние дни 1958 года, кануна нашего великого семилетнего плана, а я вот уже давно вступил в семилетку, четыре новых года вперед справил, так как работаю сейчас в счет 1962 года. В этом году выполнил уже более 46 месячных норм.

Как думаю работать дальше? Отвечу кратко: еще лучше, чем теперь. Ведь такой большой скачок сделает наша страна к коммунизму, что даже дух захватывает!

Я твердо решил выполнить свою семилетку за три года. Думаю, что задача эта реальная и если работать по-коммунистически, то с ней справлюсь.

Сейчас я работаю на четырех станках. Составил твердый комплексный план новшеств и усовершенствований, которые необходимо внести, чтобы достичь намеченной мной производительности. Часть из них уже осуществлена, а когда выполню все намеченное, то получу более сорока тысяч рублей годовой экономии.

К. Я. Маслий.

С Новым годом, незнакомый товарищ, годом, который намного приблизит нас к коммунизму!

Константин **МАСЛИЙ**,
зуборез цеха экскаваторов Уралмашзавода.

НАШ АДРЕС:

ул. Свободы

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. ВИКТОРОВ

Мы приехали в Ярославль с трудным заданием: взять интервью у... улицы. Вопрос, который мы должны были задать ей, звучал так: что нового произошло в ваших домах, в ваших квартирах в 1958 году?

В этой задаче не было ничего нереального: улица — это же в конечном счете люди, живущие на ней. Но не слишком ли много будет у нас собеседников? Ведь в десятках незнакомых домов, в сотнях неизвестных квартир живут тысячи людей. На ком же из них остановиться и какую улицу выбрать? Может быть, ту, с которой мы встретились, перешагнув порог вокзала? Вот она перед нами, улица Свободы.

Что мы узнали о ней? Десять лет назад за огромным пустырем начиналась улица, которую некогда называли Цыганской. Ну и непоседлива была она! Улица полностью оправдывала свое название. Домишки, сперва державшиеся друг за друга, вскоре разбегались в разные стороны, все чаще пролегали между ними пустыри, и, наконец, последние следы ее терялись в широком поле, отделявшем вокзал от города. Теперь о прошлом напоминали только несколько деревянных домиков, еще зацепившихся за старые рубежи. А вокруг на полтора километра протянулись многоквартирные громады. В них живут рабочие Ярославского шинного завода, речники, наборщики и печатники полиграфического комбината. Вы видите на фотоснимке эту улицу, пересекающую бывший пустырь, ставший одной из самых просторных площадей Ярославля. Итак, решено: мы останавливаемся на улице Свободы!

Но что делать дальше? Как выбрать людей, которые должны говорить от ее имени? И тут мы заметили новое здание школы... Наш вопрос мы зададим тем людям, чьих ребят встретим на школьной переменке. Пусть это будут первоклассники: поступление ребенка в школу — большое событие в жизни каждой семьи.

Вот они перед нами, десять первоклассников из школы № 49. В первом ряду вы видите Ларису Османову, Раю Евсееву и Сашу Серова. Во втором ряду стоят Боря Ежов, Миша Мозолин, Таня Кусмарцева и Оля Павлова. В третьем ряду нам улыбаются Сережа Разумов, Ира Рыбина и Толя Охахлов.

1 Отец Ларисы Османовой — Иван Иванович — дежурный по станции. У него ни минуты свободной. Между двумя звонками и тремя вызовами ответил он на наш вопрос.

— Новости пятьдесят восьмого года? Дочка стала первоклассницей, а я вместе со своими товарищами по работе перешел в высший железнодорожный класс. Впервые прежняя станция Всполье стала принимать электропоезда из Москвы. С этого года она получила новое имя: Ярославль-Главный.

2 С машинистом турбины Ярославской ТЭЦ Василием Николаевичем Разумовым мы столкнулись у подъезда его дома. Семья отправлялась по своим делам.

— На прошедший год не жалуемся,— сказал нам Разумов.— Галя закончила десятилетку и работает на нашей ТЭЦ, а мой младший пошел в ту же школу, где училась дочь. С букварем скоро прощается. Я ему по этому поводу даже стихи написал:

Прощай, букварь! Не обижайся, что расстаюся я с тобой,
Ты сослужил большую службу, в ученье первый спутник мой,
Ты мне открыл большую тайну, с тобой я азбуку узнал,
Хоть было трудно, не скрываю, зато с тобой ученым стал.

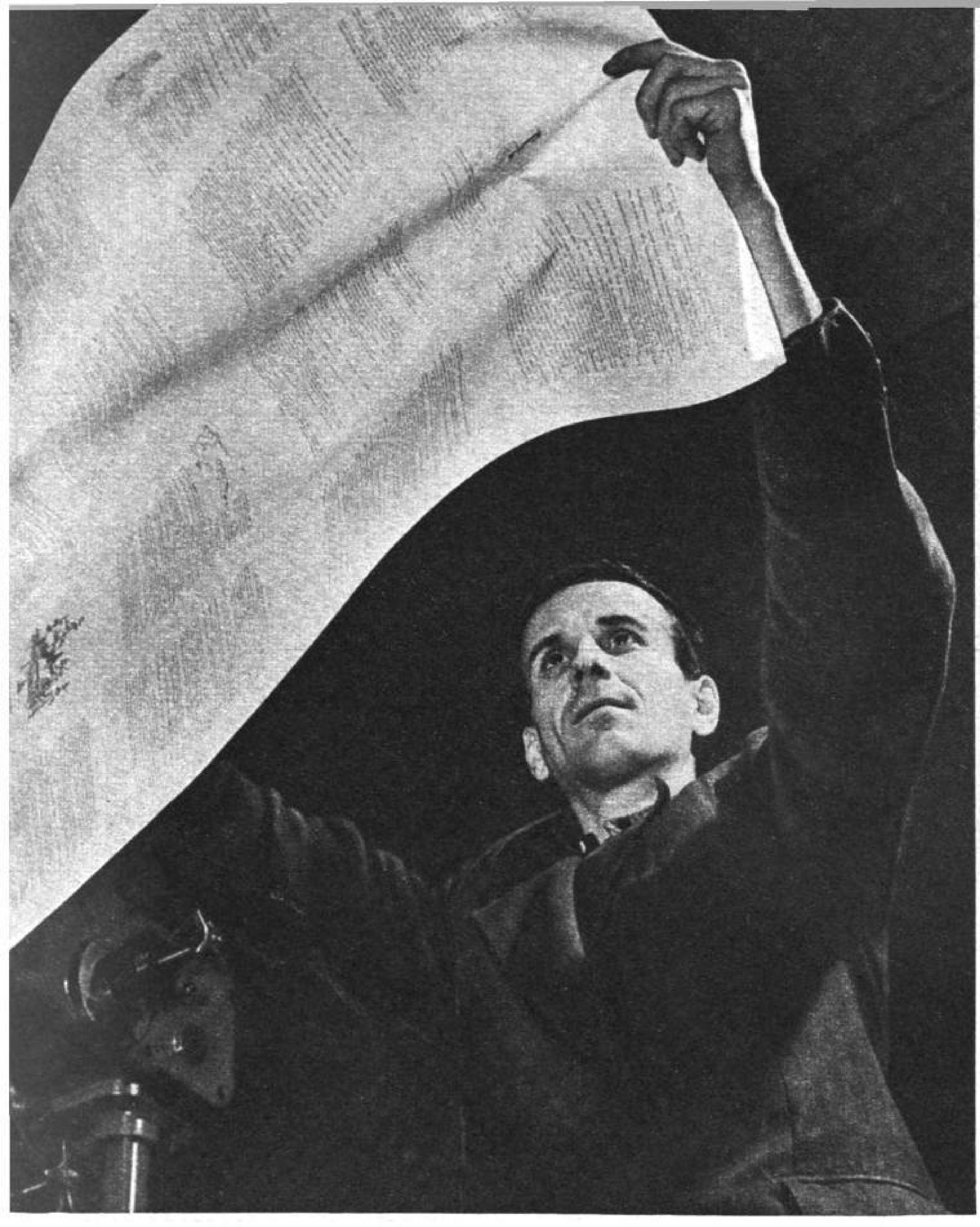

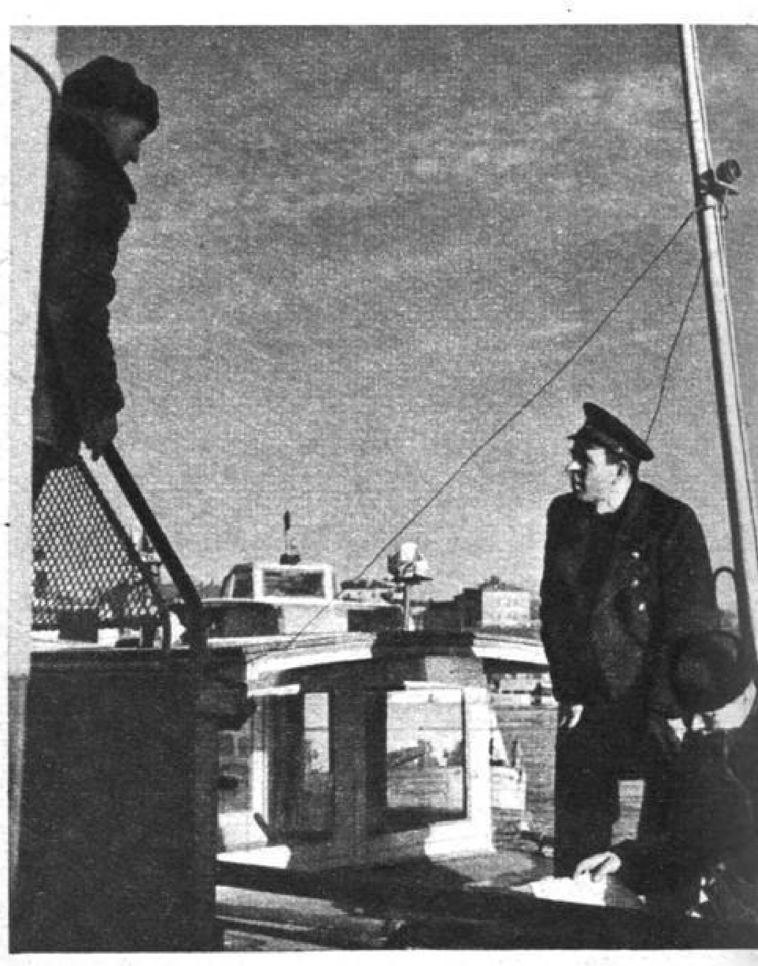
3 — Вот посмотрите сами...— И Семен Дмитриевич Ежов широким жестом обвел просторную комнату.— В апреле въехал. Мне, как управдому, не раз приходилось вручать ключи новоселам, но не знал я, до чего приятно получать эти ключи. Нет, мои дома не здесь. По улице Советской, по Волжской набережной. Там под моим управлением двенадцать тысяч квадратных метров.

...Мы побывали у Семена Дмитриевича на Советской улице. Вот он (слева) с техником домоуправления А. И. Пелёвиным осматривает только что отремонтированный фасад одного из своих домов.

6 Навигация на Волге кончилась, и все же для того, чтобы найти отца Толи Охахлова, нам пришлось с улицы Свободы отправиться в Волжский затон. На борту теплохода № 226 мы и встретились с его капитаном.

Юрий Николаевич с пятнадцати лет работает на Волге, и естественно, что на наш вопрос мы услышали ответы, непосредственно связанные с этой рекой.

— Получил вторую специальность — помощника механика,— сообщил Охахлов.— В апреле вручили диплом поммеха и, представьте себе, в том же месяце «диплом отца» — свидетельство о рождении дочки. Ириной назвали. И, знаете, не могу не похвастаться: такие только на Волге родятся...

4 — На днях получил письмо из Москвы,— сказал нам печатник полиграфического комбината Николай Васильевич Серов.— Редакция журнала «Советский воин» сообщает, что мой рассказ «Котелок картошки» скоро увидит свет.

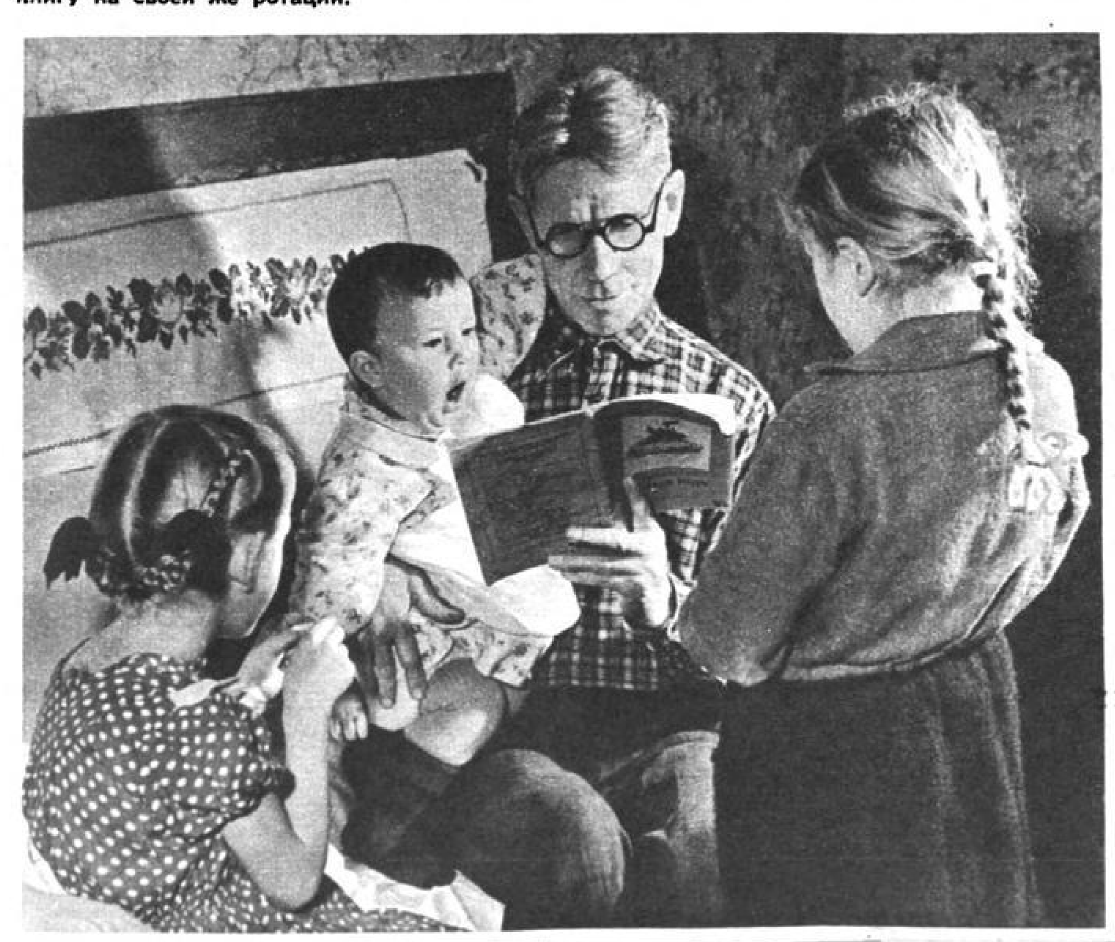
...Пять лет назад Серов, бывший командир орудия, сражавшийся на северном фронте, пришел на строительство Ярославского полиграфического комбината. Он строил его и учился на печатника. Потом Серов не только стал печатать чужие книги, но и писать свои. В местном издательстве вышла его книжка для детей «Про девочку Катю». Сейчас Николай Васильевич заканчивает новую повесть, и мы, прощаясь с ним, пожелали ему в 1959 году напечатать свою книгу на своей же ротации.

5 Улица Свободы привела нас к Василию Ильичу Кусмарцеву. В воскресный день мы застали его за исполнением отцовских и дедовских обязанностей одновременно. Сказочка предназначалась внучке Оле, но, судя по всему, она больше пришлась по душе младшей дочери, Тане.

— У нас в семье событий много,— сказал нам Кусмарцев и, не торопясь, стал загибать палец за пальцем.— Восьмого марта въехали вот в эту отдельную квартиру... Пошла в школу Таня... Я ушел на пенсию...

7 Узнаете? Перед вами Ира Рыбина, первоклассница, которая так хорошо улыбается нам с первой фотографии. Но сейчас, как вы видите, Ира — сама сосредоточенность. Еще бы, ей «поручено» ответственное дело — нарисовать корову!

Павел Иванович — художник и работает над новой картиной: «На колхозной ферме».

8 Вот еще одно интересное интервью, данное нам Валентином Васильевичем Мозолиным. Это один из самых молодых обитателей улицы Свободы: семья Мозолиных переехала из 15-метровой комнаты в отдельную квартиру на улице Свободы совсем недавно.

Супруги Мозолины не только новоселы, но и автомобилисты-новички: машина куплена в октябре. «Москвич», который вы видите на снимке, особый, с ручным управлением: в боях под Сухиничами Валентин Васильевич лишился ноги.

После демобилизации Мозолин работал бухгалтером, учился на экономическом факультете МГУ, закончил аспирантуру, стал преподавателем Ярославского технологического института. И вот главное событие в жизни Валентина Васильевича: недавно ему присвоено звание доцента.

9 С Олей Павловой мы познакомились в школе на улице Свободы, а с ее матерью — в школе поселка «Красные ткачи».

Мария Андреевна по специальности историк, но с этого года она ведет еще один, совершенно новый в школьном расписании предмет — домоводство. М. А. Павлова учит девочек искусству рукоделия, а впереди — занятия по уборке квартиры, кулинарному искусству...

10 Наше «интервью с улицей» началось разговором с детьми десяти семей. На этой фотографии перед вами десять детей одной семьи — отца Елизара Петровича и матери Марии Харитоновны Евсеевых.

В первом ряду первой слева стоит наша старая знакомая, первоклассница Рая. Рядом с ней, на руках у матери, ее сестренки-близнецы Юля и Таня, дальше — братья Вова, Валерик и Коля. Во втором ряду — старшие сестры Раи: Галя, Зина со своим сыном Толиком, Люся и Валя.

Да, большая семья живет в 63-й квартире дома № 75 по улице Свободы! Сам Елизар Петрович уже двадцать пять лет работает на шинном заводе. Сейчас он бригадир по раскрою корда. Как это часто бывает в рабочих семьях, вместе с ним трудятся на заводе и другие члены семьи — три дочери. Мария Харитоновна получила орден «Мать-героиня».

Какие же новые события произошли у Евсеевых? Мария Харитоновна охотно их перечисляет: одной школьницей стало больше; муж отдыхал в этом году в Хосте по путевке завкома. А сам Елизар Петрович, едва сдерживая улыбку, ответил нам кратко:

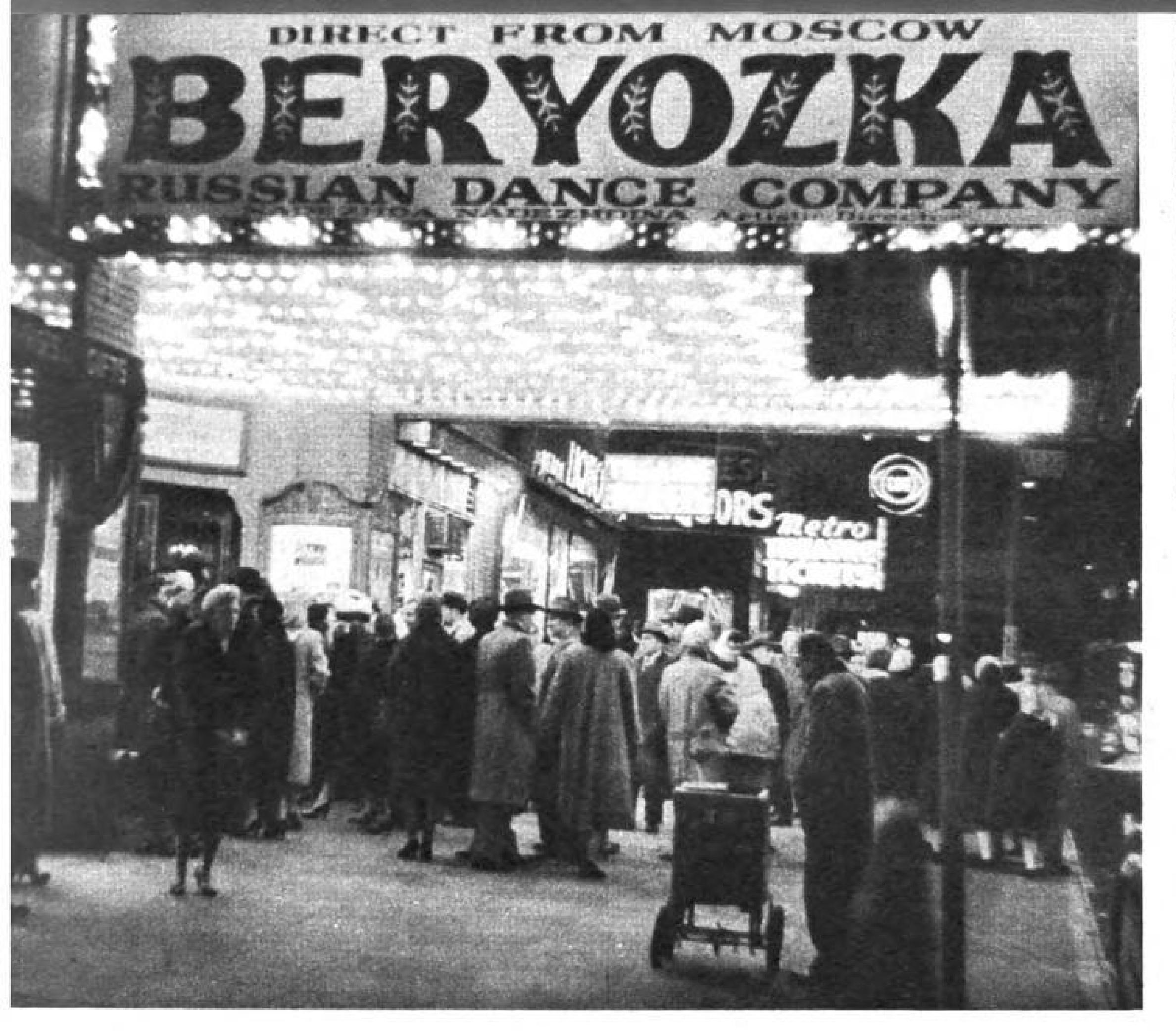
— Если вы внимательно изучите эту фотографию, то сразу же определите и главную новость: в этом году в нашем семействе не было прибавления!

●

Вот ответы, полученные нами от улицы Свободы в лице ее жителей. Разные у них интересы, занятия, радости, разные у них и дети, но всех — и первоклассников, и родителей — отличает одна общая черта, решающая черта в их жизни: все они живут на улице Свободы, в стране Свободы

Нью-Йорк. Задолго до начала концерта ансамбля «Березка» у театра собралось множество желающих приобрести билет.

В день рождения Нины Исаковой (вторая слева) новые друзья — лауреаты Женевского конкурса — преподносят ей цветы.

Народный артист СССР Д. Ф. Ойстрах со своими учениками — лауреатами международных конкурсов С. Снитковским (слева) и В. Климовым.

АПЛОДИСМЕНТЫ

И. ВЕРШИНИНА

Сосчитать, сколько медалей, премий, всевозможных дипломов и прочих официальных наград получили советские артисты за рубежом в течение 1958 года, оказалось совершенно невозможно. Для того, чтобы подвести окончательные итоги, следовало опросить едва ли не всю огромную армию советских работников искусства. Без этого точная цифра не могла определиться...

Мы запрашивали Украину. Оттуда пришел длинный перечень, в котором упоминались и блестящие победы молодых певцов Киевского оперного театра Е. Мирошниченко, В. Тимохина, А. Кикотя на Тулузском международном конкурсе вокалистов и успешные гастроли Ансамбля украинского танца в Париже... Грузия сообщала о колоссальном успехе танцевальных коллективов.

Азербайджан, Узбекистан, прибалтийские республики, Новосибирск, Ленинград, Москва — города и республики информировали о своих коллективах и солистах, которым аплодировал весь мир, о которых писали газеты почти на всех языках народов земного шара.

На сей раз реакционная печать говорила правду, рассказывая о «захвате территории» и «покорении народов» представителями Советского Союза. Ансамбль народного танца Союза ССР, а вслед за ним девичий хоровод «Березка» завоевали сердца всех американцев. Англичане были покорены великолепным мастерством артистов Большого и Художественного театров. Французы жили в области искусства «по московским часам»...

Медалями — большими и малыми, золотыми, серебряными, бронзовыми — награждались таланты Советской страны...

День рождения

В жизни студентки Московской консерватории Нины Исаковой весной 1958 года произошли два события, определившие ее дальнейший творческий путь. Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко после прослушивания пригласил ее в состав своей труппы, а консерватория рекомендовала для участия в XIV Женевском международном конкурсе музыкантов-исполнителей.

В сентябре, защитив диплом, Исакова поехала в Женеву.

Как ни готовилась Нина к этой минуте, но, выйдя на сцену, она оробела. Все было иначе, не так, как она представляла. Она пела... в пустом зале. Совсем пустом! Ни людей, ни взглядов, ни аплодисментов... Темный провал, пустые ряды кресел.

Члены жюри сидели за занавесом. Исполнители не видели своих высоких судей, а те не видели, не знали, кому принадлежит звучащий сейчас в зале голос. Перед выступлением каждого участника объявлялся лишь номер, вынутый исполнителем на жеребьевке. В списке номеров, допущенных ко второму туру, был и № 270. Только к началу третьего тура узнали, что за этим номером скрывалась певица Нина Исакова. Ей присудили вторую премию.

Лауреатов после заключительного концерта ожидала поездка по стране. Их было десять юношей и девушек из разных стран, только Советский Союз представляли двое: Нина Исакова и Виктор Баташев — тромбонист, студент 3-го курса Московской консерватории. Он получил на конкурсе первую премию.

Молодежь быстро подружилась, и когда однажды утром Нина спустилась в вестибюль, все артисты ожидали ее с цветами. Новые друзья, узнав, что сегодня у Исаковой день рождения, выражали ей свое внимание.

«Горжусь своими учениками»

В Москве в 1958 году проходил Международный конкурс имени Чайковского. Сильнейшие молодые скрипачи и пианисты многих стран стремились получить медаль со знакомым и дорогим сердцу каждого музыканта портретом великого композитора — завоевать высокое звание лауреата этого конкурса.

Прославленные музыканты мира — члены жюри конкурса — присудили девять медалей советским исполнителям. Первую премию среди скрипачей завоевал аспирант Московской консерватории Валерий Климов. Это была его четвертая победа на международных соревнованиях. Большой победой это было и для педагога Климова — профессора Ойстраха.

Прошло полгода. И вот уже на другом Международном конкурсе скрипачей и пианистов, который проходил в Румынии и был посвящен памяти Джордже Энеску, вновь молодой советский скрипач Семен Снитковский завоевал первое место.

Снитковский — также аспирант Московской консерватории, также ученик Ойстраха.

На четырех музыкальных конкурсах 1958 года 22 наших музыканта были награждены медалями.

— Для меня победы моих учеников дороже всех моих личных успехов,— говорит Д. Ф. Ойстрах, народный артист СССР.— Я преподаю в Московской консерватории уже четверть века. Надо сказать, уровень наших молодых скрипачей настолько высок, что постоянное творческое общение с ними приносит много пользы и нам, старшему поколению...

Премия «Апельсинового дерева»

Венеция, Брюссель, Карловы Вары, Югославия, Канны, ФРГ... Всюду, где проходил очередной фестиваль, советские фильмы — будь то «Тихий Дон», «Дом, в котором я живу» или другие художественные, детские, мультипликационные, научные кинокартины — вызывали восторги зрителей и получали высокие награды.

Шесть лет во Франции никому не присуждались премии «Апельсинового дерева», которыми, по традиции, отмечаются лучшие актрисы сезона. В нынешнем году эти премии были вручены француженке Франсуазе Аркуль и советской киноактрисе Татьяне Самойловой за ее дебют в фильме «Летят журавли».

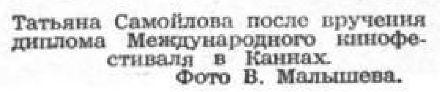

В Москве, в изостудии Октябрьского Дома пионеров. На первом плане — Сережа Шилов. В глубине — руководитель студии В. А. Воронин.

С большим успехом прошли гастроли советских артистов в Эфиопии. Всем участникам концертов были вручены золотые медали. На снимке: император Эфиопии Хайле Селассие I вручает золотую медаль Леониду Маслюкову.

Татьяна Самойлова после вручения диплома Международного кинофестиваля в Каннах.
Фото В. Малышева.

МИРА

Продюсеры, режиссеры различных зарубежных фирм предлагали Самойловой самые выгодные ангажементы. Французы приглашали ее на роль Анны Карениной (Вронского должен был играть Жерар Филипп).

Самойлова отказалась от всех предложений.

Она осталась в том же съемочном коллективе, где начинала. Режиссер М. Калатозов и оператор С. Урусевский приступили к созданию нового фильма о геологах. Фильм рассказывает о большой любви, о человечности, о дружбе. Девушку-геолога Татьяну будет играть Самойлова.

О самом маленьком медалисте

У юных представителей семьи Шиловых день обычно начинался с «Пионерской зорьки». Звук горна служил мальчикам сигналом побудки. Но сегодня Сережа не слышал ни горна, ни новостей пионерской жизни. Он спал. Накануне вечером мать задержалась на дежурстве в поликлинике. Сережа и старший его брат, Саша, увлеченные рисованием, просидели за столом очень допоздна.

Саша рисовал каток, хотя одна его работа на эту тему уже есть на Всесоюзной выставке детского рисунка. Сережа готовил для школьной газеты рисунок о полете на Луну. В тетрадке у него уже ничего не осталось. Один рисунок висит в изостудии Октябрьского Дома пионеров, тот, где на Луне астронавты борются со страшным чудовищем, другой — «Летящая ракета» — отослали в Лондон на конкурс, третий — в Австрию... Вот и пришлось Сереже снова рисовать ракету, хотя на столе лежит не законченный еще набросок — московская улица с машинами.

Машины видел Сережа и во сне, когда старший брат вдруг начал его будить, расталкивать: «Вставай скорее! Сейчас только объявили по радио в «Пионерской зорьке», что первая премия на Международном конкурсе детского рисунка в Вене присуждена ученику 3-го класса 204-й московской школы Сереже Шилову!»

Все подтвердилось. Сережин рисунок «Полет на Луну» получил приз на конкурсе, объявленном австрийской кинофирмой «Центропа-фильм», которая собиралась ставить мультипликационный фильм.

Более тысячи рисунков было прислано в Вену из многих стран на этот конкурс, в том числе 50 рисунков из Советского Союза. Жюри отметило 36 работ советских ребят и присудило им три первые премии. Первый приз — электрическая железная дорога — достался Сереже Шилову; вторую премию — часы — получил ученик 6-го класса 330-й школы Виталий Спидченко, третьей премией — авторучкой — награжден Валерий Пинчук.

В торжественной обстановке в Москве, в городском Доме пионеров, юные художники получали свои награды...

А в Вене уже снимался фильм, герои которого, рожденные фантазией советских ребят, завоевывают космос...

Художник Б. И. Волков награжден сразу тремя медалями.
Фото Е. Умнова.

Олег Попов получает ежегодную награду Брюссельского королевского цирка — белого слоненка.

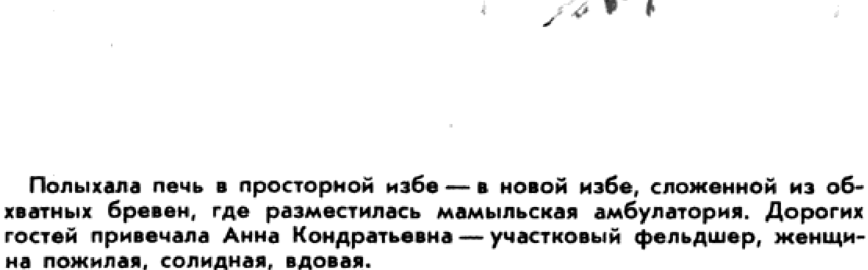

Без боли

Рассказ

Александр РЕКЕМЧУК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Это Мамыли? — спросила Леночка Рогова.

В трехъярусной стене леса, поднявшейся над рекой, вдруг обнаружился проем. Показался берег, окаймленный понизу глиной. На берегу стояли дома, тянулись плетни, торчали колодезные журавли.

Моторная лодка повернула к берегу.

— Да, это Мамыли, — подтвердил Федор Петрович Журко. И поправил очки.

Федор Петрович Журко, можно сказать, знал наизусть все деревни и села по Верхней Печоре. Старожил. То есть не то, чтобы старожил, но... все-таки.

Он получил направление в Верхнепечорский район четыре года назад, окончив Ленинградский санитарно-гигиенический институт. Однако работать санитарным врачом ему довелось всего полторы недели. Поскольку именно к этому сроку окончательно и бесповоротно спился заведующий райздравотделом и его выгнали. А Федора Петровича Журко тотчас назначили заведующим.

Вполне вероятно, что, помимо деловых качеств, сыграла роль и внешность Федора Петровича: в свои тридцать лет он был не по годам солиден. К тому же в очках.

Федор Петрович не обманул доверия. Он быстро навел порядок в районной больнице, амбулаториях и разных детских учреждениях. Причем не сидел сиднем в кабинете, сочиняя бумаги, а вот так — на моторной лодке — объезжал просторы Верхнепечорья. Вникал, устранял, оказывал конкретную помощь. При нем число заболеваний в районе резко снизилось, а смертность свелась почти к нулю.

В эту очередную поездку Федор Петрович взял с собой Леночку Рогову, зубного врача, окончившую только что стоматологический институт.

И надо заметить, что Леночка была полной противоположностью Федору Петровичу. Если он в свои тридцать лет выглядел много старше, то Леночка в свои двадцать три выглядела совершеннейшим ребенком.

Лицо белое, розовое, нежное. Причем нежный цвет ее лица подчеркнут теменью волос, туго сплетенных в косу. Коса уложена на затылке калачиком. Брови широки и вразлет. Глаза глубокие, прозрачные.

Особо же следует сказать насчет рук. Руки эти хотя и тонки в предплечьях и запястьях, однако мускулисты, крепки. Такими руками либо играть на фортепьяно, либо зубы дергать—у кого болят. Леночка предпочла дергать.

Профессия эта достойна всяческого уважения.

Взять, к примеру, Верхнюю Печору. Ныне в самых что ни на есть глухих и «богом забытых» печорских селах открыты амбулатории. При амбулаториях состоят фельдшера и акушеры с дипломами. Они вам и насморк вылечат, и серьезную болезнь — радикулит, удалят хирургическим путем доброкачественную опухоль, не говоря уже об элементарных чирьях. Они все умеют, сельские фельдшера. Молодцы!

Но вот зубы!.. Зубы — это вообще как бы исключительная отрасль медицинской науки.

И вот складывается следующая картина: на всю огромную территорию Верхнепечорского района лишь один зубной врач. И если тебе совсем уж невмоготу, — поезжай в райцентр, лечись. А если терпеть можно, — терпи. Жди.

Дважды в год — по осенней и вешней большой воде — районный стоматолог совершает гастроль от Курьи, что у самых печорских истоков, до Подчерья — противоположной границы района. Триста пятьдесят километров. Со всеми остановками.

«Главное — профилактика»,— как сказал Федор Петрович Журко, вводя такой порядок.

Это был первый рейс Леночки Роговой. Первый рейс по осенней большой воде.

Она трудилась на совесть. Ей хотелось как можно быстрее оправдать звание врача, к которому сама еще не успела привыкнуть.

Моторная лодка день за днем все тарахтела меж крутых щетинистых берегов. Протяжные дожди секли путников по согбенным спинам, хлестали в лицо. Было сыро, неуютно, промозгло...

— Это Мамыли? — спросила Леночка, от озноба едва разжав губы.

— Да, это Мамыли, — подтвердил Федор Петрович Журко. И поправил очки.

Полыхала печь в просторной избе — в новой избе, сложенной из обхватных бревен, где разместилась мамыльская амбулатория. Дорогих гостей привечала Анна Кондратьевна — участковый фельдшер, женщина пожилая, солидная, вдовая.

— В такую-то мокрядь! — сокрушенно качала она головой.— В такую-то слякоть! Отдохнете, может, с дороги? Или баньку?

— Баньку? — переспросил Федор Петрович Журко с робостью и предвкушением. — М-м...

— Нет! — категорически отвергла Леночка. — Потом. Больные есть?

И тотчас отворилась дверь. В сенях толпились. В сенях было полно народу. Гнулись под тяжестью скрипучие половицы. Сдержанный гомон наполнял сени.

Леночка в растерянности оглянулась на Федора Петровича.

— Прошу вас, товарищи, в порядке очереди, — сказал тогда Федор Петрович Журко. — Прошу соблюдать порядок. Посторонних, у кого не болят зубы, прошу освободить помещение.

Он-то знал, Федор Петрович, что такое Мамыли! Старожил.

А село Мамыли — это удивительное село.

Здесь никто и никогда не упустит случая поглядеть на приезжих людей. Страсть до чего в Мамылях интересуются приезжими людьми! К тому же обитатели Мамылей—самые компанейские люди на белом свете. Здесь и в гости иначе не ходят, как всем селом. Сено косить — всем селом. Лес рубить — всем селом. Газету читать — всем селом. Зубы рвать — всем селом. Непременно.. Да еще приоденутся. Даже те, у кого на сей раз и впрямь болели зубы (их сразу отличишь по постным лицам), будто на праздник, понадевали плюшевые жакетки, полушалки с кистями, новые телогрейки, новые шапки.

Набились в сени, собрались под окнами, расселись на близлежащих бревнах. Все пришли. Только члены правления колхоза отсутствовали: у них как раз было заседание.

И еще не пришла Бурмантиха, Ангелица Прокопьевна, зловредная старуха, знахарка, незарегистрированная ведьма. Мастерица зубы заговаривать: «Боль-боль, Марья Иродовна, уходи сегодня, приходи вчера...»

Она со злости не пришла. Со злости же купила в сельповском магазине поллитровку и села сама выпивать.

Тем временем Леночка Рогова уже раскрыла чемоданчик с инструментами и, придвинув табуретку поближе к окну, пригласила:

— Пожалуйста.

— Спасибо вам. Вот спасибо... — благодарно закивали у дверей и в сенях.

— Ну, кто первый?

Пациенты посовещались между собой и вытолкнули на середину комнаты тетку Дарью.

Тетка Дарья — председателю колхоза дальняя родня — маялась еще с зимы: раскрошила она зуб, перекусывая дратву,— валенок подшивала. Зуб, стало быть, искрошился, а корень остался в гнезде и давал ей о себе знать. Уж она его и перцем прижигала, и чесноком терла, и к старухе Бурмантихе ходила — все нипочем. Ноет, окаянный!

Так что тетка Дарья и не упиралась, когда ее вталкивали в комнату. Лаяться ни с кем не стала, села на табуретку.

Однако, завидев в руке Леночки Роговой сверкающее никелем ротовое зеркало, пациентка ахнула, сцепила пальцы, заголосила, будто по себе самой — покойнице.

— Перестаньте!—приказала Леночка.—Ничего страшного.

Тетка Дарья голосить продолжала. До тех пор, пока Леночка не сунула ей в рот стержень с зеркальцем на конце; тут уж голосить стало невозможно, и тетка Дарья только вращала глазами, побелевшими от страха.

— Во рту человека обитает множество микробов, — рассказывала между тем Леночка Рогова всем присутствующим, разглядывая в зеркальце горемычные Дарьины зубы. — Они находят там все необходимые условия для существования... Пожалуйста, не вертитесь... Если не чистить зубов, не полоскать рта, количество мельчайших организмов во много раз увеличивается. В плохих, разрушенных зубах живут миллионы микробов...

Присутствующие согласно кивали, друг на друга поглядывали: вот, дескать, чего только не придумают ученые люди.

Но когда Леночка извлекла из своего чемоданчика «клювики» — не очень симпатичные на вид щипцы, — тетка Дарья взвыла неистово, а некоторые ее подружки и соседки тоже взялись подвывать от жалости.

— Тише! — рассердилась Леночка. — Вы мешаете мне работать.

— Ох, больно!..— стонала Дарья.

— Больно не будет. Я удалю корень без боли, — заверила Леночка. И вынула из чемоданчика шприц, флакон с раствором новокаина.

От первого укола в десну тетка Дарья едва не свалилась с табуретки. После второго укола на нее будто столбняк нашел. А третьего укола тетка Дарья даже не почувствовала: заморозило.

Вскоре все было кончено. Корень благополучно выскочил из гнезда, а сама тетка Дарья — сияющая, изумленная — выбежала из амбулатории и стремглав кинулась в правление колхоза: рассказать председателю (он тетке Дарье дальней родней доводится) про то, как ей зуб рвали. Без боли.

Леночка Рогова сказала:

— Следующий...

А под окном амбулатории к тому времени собрались табунком — с гармошками и без гармошек — неженатые мамыльские сердцееды. И среди них — самый удачливый и самый неженатый сердцеед на селе Гришка Лызлов.

Парни влезали на завалинку и, расплющив о стекло носы, заглядывали в избу. Во все глаза — глаз эдак в двадцать — смотрели они, как Леночка Рогова колдует над своими инструментами. На инструменты смотреть им, конечно, было не очень занятно. То ли дело — на Леночку.

— Вот это девка! — сказал один.

— Красивая, — согласился другой.

— Ягодка...— заметил третий.

Но этого третьего тотчас ухватил за воротник Гришка Лызлов и, оторвав от завалинки, кинул куда-то в соседний огород, причинив хозяевам ущерб в три вилка капусты.

Леночке Роговой надоели заоконные зрители: свет застят, отвлекают внимание.

Она повернулась к окнам и, нахмурив широкие темные брови, в упор посмотрела на одного, на другого, на третьего, на четвертого и так далее... И один за другим отклеивались от стекол расплющенные носы, одна за другой оседали наземь, исчезали представительные фигуры.

— Корень зуба покрыт эмалью, — продолжала рассказывать Леночка.— Это самая прочная ткань человеческого организма...

Но не тут-то было!

В сенях затопали. В сенях забубнили голоса — будто заговор. Дурашливо хохотнул чей-то тенорок. И медленно отворилась дверь...

— Привет, — сказал один.

— Добрый вечер, — сказал другой.

— Доброе утро, — сказал третий.

— Здравствуйте, — ответила Леночка.

Сидевший поодаль Федор Петрович Журко засопел настороженно. И поправил очки.

— Вы ко мне? — осведомилась Леночка, синим пламенем спиртовки обмывая иглу шприца. — Вы с зубами?

— При зубах мы, — хохотнул тенорок.

Гришка Лызлов, не оглядываясь, пнул тенорка локтем, и тот отлетел в сени. А Гришка степенно, скрипя хромовыми сапогами, прошагал к табуретке.

На табуретке врачевать больных очень неудобно: у табуреток, как правило, спинки отсутствуют. И Леночке приходилось одной рукой обнимать пациента за шею, а другой — действовать. Она и Гришку обняла за шею.

Парни в дверях замерли.

— Откройте рот, — приказала Леночка.

Гришка открыл.

Тридцать два зуба сверкнули жемчугами. Мятным, влажным холодком веет от таких зубов.

— Где? — строго спросила Леночка.

Гришка, не закрывая рта, мотнул головой: нигде, мол!

При этом глаза Гришки прямо и честно, с обожанием и преданностью смотрели на Леночку.

Она сурово сдвинула брови, выпрямилась, убрала руку с Гришкиной шеи.

— Позабавиться пришли?

Тут уж и Федор Петрович не утерпел.

— Это просто некультурно! — вступился он за Леночку. — Вы отнимаете время, а врач работает, даже не отдохнув с дороги... Это просто некультурно с вашей стороны!

Гришка Лызлов оскорбился, побледнел, через плечо глянул на Федора Петровича: намекаете, дескать? Потом снова поворотился к Леночке, кашлянул деловито и заявил:

— Рвите... любой. Хоть передний!

В дверях охнули от восхищения.

А Гришкины глаза смотрели на Леночку самоотверженно, влюбленно, даже будто с укоризной: где, мол, чуткость к живому человеку?

Леночка Рогова не выдержала, рассмеялась.

— Следующий, — сказала она.

— А вы не придете вечером на пятачок? — поощренный ее смехом, осмелел Гришка. — У нас на пятачке танцы.

— Следующий... — повторила Леночка. Щеки ее при этом слегка запунцовели.

Стемнело уже к тому времени, когда Леночка Рогова закончила работу.

В соседней комнате на плите фельдшерица Анна Кондратьевна сварила крутые щи, и все они — Леночка, Федор Петрович, фельдшерица — сели обедать, заодно и ужинать.

Федор Петрович ел сосредоточенно, прилежно, будто дело делал. Леночка кушала весело, поигрывая ложкой, всем своим видом свидетельствуя, что вкусно. А фельдшерица Анна Кондратьевна к своей стряпне не притронулась, только поглядывала на гостей взглядом жалостливым и добрым, каким обычно глядят хорошие хозяева на проголодавшегося человека.

— Елена Ивановна, у вас родители есть? — спросила вдруг фельдшерица.

— Есть. Мама.

— А отец?

— Папа на войне погиб. В сорок третьем,— ответила Леночка. И тотчас поинтересовалась: — Федор Петрович, а вы на каком фронте воевали? Вы врачом были?

Федор Петрович, изумившись, заморгал. Ложка его замерла на полпути. Улыбнулся растерянно:

— Я... на войне не был.

— А-а,— разочарованно протянула Леночка.

Федор Петрович про себя высчитал: в тот военный год, когда погиб Леночкин отец, ему самому минуло четырнадцать лет. По детской карточке паек получал: четыреста граммов хлеба в день. И весь день стоял за этим хлебом в очереди, запорошенной снегом...

Семь лет разницы между ним и Леночкой. В одну сторону шаг, а в другую — пропасть.

Тут ужин кончился: кончились щи в кастрюле.

Леночка сказала «спасибо», встала, поглядела в нерешительности на темное осеннее окно. Решилась однако. Не скучать же целый вечер!

И — к зеркальцу на стенке. Все в порядке: красавица! Быстро надела пальто, вязаную косынку.

— Я туда... на пятачок,— пояснила Леночка у двери.— Посмотрю только.

— В туфельках? — всплеснула руками Анна Кондратьевна.— Да ведь там грязища — ног не вынешь!

А дверь уже захлопнулась за Леночкой Роговой.

— Анна Кондратьевна,— заговорил, едва захлопнулась дверь, Федор Петрович.— У вас... есть претензии к райздравотделу?

И с озабоченным видом вынул из кармана блокнот: записывать.

— Какие претензии? — удивилась, пожала плечами фельдшерица.— Нет у меня никаких претензий.

— Значит, нет?

— Нет.

Федор Петрович раздумчиво прошелся по комнате, отворил дверцу шкафа. И стал изучать наклейки на флаконах с зельями.

— Из медикаментов в чем нуждаетесь?

— Все как будто есть... Витамины, разве? Витаминов пришлите, в драже. Детвора до них больно лакома.

— А, хорошо, — кивнул Федор Петрович, раскрыл блокнот и стал записывать насчет витаминов.

Фельдшерица ушла в смежную комнату, пошуровала кочергой в печи, чугунной вьюшкой прикрыла тягу. Вернулась обратно. А Федор Петрович все писал в своем блокноте про витамины...

— Ну, я пойду, — сказала фельдшерица. — У соседки переночую... Елене Ивановне в той комнате постелила. А вы здесь устраивайтесь. Одеяло вот, подушка... Сами сумеете?

— Да-да, спасибо. Большое спасибо. Спокойной ночи.

Уже у порога фельдшерица помедлила.

— Федор Петрович, а вы... всё неженатые?

— Что? — отвлекся от своих важных записей Федор Петрович. — Да... То есть, я имею в виду, не женат... Все никак не соберусь.

Он улыбнулся. И поправил очки.

Сырая и темная ночь прильнула к окнам. Стекла оконные в изморосн, в поту. Порой влажные всплески ветра доносят издалека обрывки звуков: визгливый перебор гармоники, топот подошв.

Федор Петрович, не гася керосиновой лампы, прилег на топчан, крашенный белилами, подушку пристроил в изголовье. Спать, конечно, не собирался — так, отдохнуть. Не снимая очков, зажмурил усталые глаза. Лежал, прислушивался.

Суматошно, взад-вперед, как неприкаянный, шастал по улице ветер. Редкие капли воды глухо, без звона ударяли в окно — дождь не дождь, не поймешь, что...

Чьи-то нетвердые мелкие шаги прошлепали вдоль стены. Скрипнули ступеньки крыльца.

Федор Петрович приподнялся на локте. Леночка вернулась?

Но никто не пытался открыть дверь. Топтались около. Потом сиплый и пьяненький старушечий голос процедил в самую щель:

— Антихристы!.. Хирурги!..

Федор Петрович разочарованно почесал в затылке, поудобней устроился на топчане и, сам того не замечая, задремал. Долго ли так он дремал? Но вдруг очнулся.

Музыка грянула, взорвалась под окном. Гармошка. Нет, две гармошки!.. Богатырским рыком исходят басы, трепещет перламутровая мелочь верхних ладов... Не две гармошки — три! Или даже четыре!

— До свиданья, до свиданья, — говорит Леночка. И дверь отворяется. Федор Петрович едва успел поплотнее смежить веки.

Он слышал, как четыре гармошки (или, может быть, шесть гармошек?) охнули враз, едва не разорвавшись по швам, и все вместе двинулись от крыльца вдоль по улице.

Он слышал, как Леночка долго стояла у двери. Потом вздохнула. Потом сладко зевнула. Взяла со стола лампу и, осторожно ступая, прошла в соседнюю комнату.

Федор Петрович открыл глаза. Зыбкая полоса света легла на пол, пересекла стену. А по свету скользит тень. Эта тень удлинена, и поэтому еще тоньше, еще изящней кажутся девичьи руки, гибкая шея, еще более узки и покаты плечи. Вот руки взлетели, скрестились на затылке — и тяжелый узел волос рассыпался, раздвоился. Две косы легли на грудь и качнулись в полосе света, когда Леночка наклонилась над лампой — дунуть.

Утром они снова тронулись в путь.

УМЕРЕННО

Те-бе се-год-ня два-дцать лет, в тво-ём ок-не ве-се-лый свет. На зем-лю ти-хо па-да-ет сне-жок, а я спе-шу на о-го-нек. На зем-лю ти-хо па-да-ет сне-жок, а я спе-шу на о-го-нек.

По меньшей мере

Стихи М. ЛИСЯНСКОГО. Музыка А. ДОЛУХАНЯНА.

Тебе сегодня двадцать лет,
В твоем окне веселый свет.
На землю тихо падает снежок,
А я спешу на огонек.

Пришли к тебе друзья твои
Во имя дружбы и любви.
Всегда такие длятся вечера
По меньшей мере до утра.

В тебя влюбляются друзья,
Ведь это запретить нельзя.
Но я тебя люблю и, как на грех,
По меньшей мере больше всех!

В твоей душе весенний день,
В твоих глазах цветет сирень.
Для нас весна сияет и поет
По меньшей мере круглый год!

Г. Песис (Ленинград).

ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ.

Б. Н. Раппопорт (Киев). СТРОИТЕЛЬСТВО КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОМНЫ

Н. В. **Вертков** (Кемерово). СМЕНА.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Недавно в Москве гостил хороший болгарский скульптор Кирилл Тодоров.

Тодоров привез несколько своих работ в гипсе, главным образом портреты. Среди них были очень живые скульптуры маршала Толбухина, народного артиста Ю. Завадского и академика Н. Державина. С ними художник встречался на своей родине и лепил их с натуры.

За несколько недель пребывания в Москве Тодоров пополнил галерею созданных им скульптурных портретов советских людей, вылепив бюст композитора Дмитрия Шостаковича.

Легко подняв сильными, грубоватыми руками стоявшую в углу статую молодой женщины, скульптор перенес ее на стол.

— Это римлянка. Натура была еще красивее... Мне кажется, я оказался бессильным передать в мраморе подлинную красоту...

Затем мы заговорили о планах Тодорова на ближайшее время, и он сказал нам, что его мечта — создать портрет Ленина.

— Я и в Москву-то приехал главным образом затем, чтобы побывать там, где бывал Ленин, посмотреть оригиналы его портретов... Ленин! Это так бесконечно много!.. Я хочу также сделать портрет Циолковского, а может быть, проект памятника ему.

Потом Тодоров достал большую папку и стал показывать нам репродукции своих работ.

Каждый кусок картона скульптор поворачивал так, чтобы всем нам удобно было рассматривать наклеенные на них фотографии.

Следующую репродукцию Тодоров сначала как будто не хотел показывать, намереваясь сразу переложить ее к тем, которые нами были уже просмотрены. Но усмехнулся и поднял снова. На фотографии мы увидели бюст худощавого, остроносого человека с надменным и глуповатым выражением лица.

— Это Маринетти,— сказал скульптор.

— Кто? Тот самый? Футурист?

— Да. Тот самый. Футурист.

Скульптор, очевидно, ощутил наше недоумение. Но вместо того, чтобы убрать репродукцию, повернул ее еще раз так, чтобы она была видна всем в деталях.

— Да, тот самый! Маринетти! Я вылепил его портрет более двадцати лет назад. Еще в Риме.— Тодоров вздохнул.— И вылепил совсем не потому, что хотя бы немножко сочувствовал футуристам или их последышам — современным модернистам. Я был и остался в искусстве реалистом. Тем более не вызывали у меня сочувствия Муссолини, чернорубашечники, фашизм, которым поклонялся Филиппо Томмазо, называвший себя Маринетти...

— Вы с ним были просто хорошо знакомы? — спросил кто-то из нас.

Тодоров энергично потряс большой седовласой головой, отрицая предположение.

— Нет! Это был заказ. Лиры...

«Что ж, и такое оправдание допустимо,— подумалось мне.— Известно ведь, как нелегко живется художникам под итальянским небом... Но почему же скульптор все еще держит перед нашими глазами совсем неинтересный для нас снимок?..»

— Я показываю вам репродукцию бюста Маринетти,— продолжал после небольшой паузы Тодоров,— потому что вспоминаю сейчас свой любопытный разговор с оригиналом... Я очень удивился, когда ко мне в мастерскую пришел знаменитый футурист. И еще больше удивился, когда он сказал: «Сеньор Тодоров... Прошу вас сделать мой портрет. В натуральную величину. В бронзе или мраморе».

«Ваш портрет? Я не ослышался, сеньор Маринетти?!»— воскликнул я, не сдержавшись.

И тогда неожиданный заказчик мой смутился. Оглянувшись по сторонам, он помялся немного и тихо произнес:

«Мне уже немало лет... Люди смертны, как всем известно... Умру и я... Но я хочу, чтобы те, кто будет жить после меня... могли увидеть меня!.. Настоящего. Какой я был...»

Тодоров засмеялся, быстро убрал в папку фотографию и закончил разговор:

— Маринетти приходил ко мне в студию. Позировал несколько раз. Сидел тихо, как крестьянка из Ломбардии перед объективом фотоаппарата... Он, конечно, понимал, что футуризм, модернизм и прочие антиреалистические течения в искусстве — все это че-пу-ха!..

Виктор СЫТИН

Ф. В. Гладков

Умер Федор Васильевич Гладков, писатель, чье славное имя вспыхнуло яркой звездой у истоков советской литературы и озарило своим светом весь ее путь. Роман «Цемент», появившийся в двадцатых годах, был первым советским романом, посвященным рабочему классу молодой Советской страны. Творчество Федора Гладкова характерно прежде всего тем, что оно всегда шло в ногу со временем. Автобиографические романы Гладкова последних лет являются крупным вкладом в русскую, советскую литературу. Персонажи его романов— Глеб Чумалов, Мирон Ватагин, Николай Шаронов —стали именами нарицательными. Их знает, любит весь советский народ.

Федор Гладков принадлежит к числу тех художников слова, творчество которых живет и будет долго жить в сознании, в сердце и памяти многих поколений.

Из писем родным и друзьям

Вот это дворец!

Село Чепелевка, Хмельницкой области, Владимиру СЛОБОДНЮКУ.

Столько интересных и важных событий произошло в моей жизни за прошедший год, что даже не знаю, с чего начать.

Ну, так вот, по порядку. После трехлетней учебы в вечерней школе рабочей молодежи получила аттестат зрелости. Это было для меня большой радостью.

...А потом осенью у нас при «Вагонке» — так мы зовем наш Уралвагонзавод — открылась вечерняя музыкальная школа, и я поступила туда учиться по классу фортепьяно. Ты друг моего детства и знаешь мою давнюю мечту о музыкальном образовании. Теперь она осуществляется.

Так что, окончив десятилетку, опять учусь.

И еще одна радость не только для меня, но и для всех наших рабочих: недавно у нас открылся новый заводской Дворец культуры. Какой это чудесный подарок! Каждый вечер сюда приходят почти полторы тысячи человек.

Мне выпало счастье вести программу нашего праздничного концерта заводской самодеятельности при открытии дворца. Признаюсь, очень волновалась, но все удалось хорошо. Теперь часто выступаю здесь с художественным чтением, разучила много новых вещей.

...Ну и, конечно, по-прежнему занимаюсь спортом. У нас теперь такой замечательный спортивный зал, что грех не использовать эту возможность.

Желаю всяческих успехов в новом году!

Клава МАТВЕЙЧУК, комплектовщица цеха рам и ферм.

г. Нижний Тагил.

Клавдия Матвейчук у Дворца культуры.

Мое счастье

Москва, Котельническая набережная, 1/15, квартира 231, Марии ГРИНБЕРГ.

Я снова просматриваю пачку телеграмм, полученных от друзей в день моего тридцатипятилетнего творческого юбилея. Двести телеграмм в этой пачке—в их числе и ваша,—не считая писем, открыток, телефонных звонков. Разве это не счастье— иметь столько друзей? И каких друзей!

Вы знаете, что до 1940 года я жила на Западе, в разных странах, танцевала в разных театрах. Если бы я осталась там, на Западе, то теперь была бы уже почти потухшим существом, тоскующим о чем-то несбывшемся, невозможном.

А здесь, на родине,— да ведь уже один цвет и запах первого снега на моей земле для меня счастье!

Много событий минувшего года осталось в моей памяти. Но особенно запомнился Всесоюзный смотр хореографических училищ. Мы много видели, много говорили о наших делах, завязали творческую дружбу с ленинградским, московским, ереванским, алма-атинским, бакинским, пермским, киевским и фрунзенским хореографическими училищами.

Еще одно событие принесло мне большое удовлетворение. Для выпускного спектакля мы подготовили балет В. Оранского «Виндзорские проказницы». Спектакль получился неплохой. Государственный академический театр «Эстония» взял его в свой репертуар.

Конечно же, 1958 год был для меня счастливый! Итак, спасибо прошедшему году, и с Новым годом вас, мои добрые друзья!

Анна ЭКСТОН, директор Эстонского государственного хореографического училища.

Анна Экстон на уроке танца.

Эстафета летит

Смена лет — это эстафетный бег времени с бесконечным количеством этапов. Вот завершился еще один этап, помеченный в календаре номером 1958-м, начался другой — 1959-й. Старый спортивный год подошел к своему финишу и передал эстафету-депешу молодому бегуну — Новому году.

Если бы можно было развернуть эту спортивную депешу, мы прочли бы там разное: и вести о победах и горестные сообщения о поражениях.

Но все-таки на рубеже двух лет хочется говорить не о поражениях, а о победах, которых было больше, чем неудач.

Кто превзошел непревзойденную дотоле легкоатлетическую команду Соединенных Штатов Америки? Это сделала команда СССР.

Кто оказался сильнейшим на первенстве Европы по легкой атлетике? Тот же наш коллектив.

Советские штангисты и в 1958 году, как в прошлые годы, доказали свое превосходство над всеми другими командами мира. Гимнасты в упорной борьбе с опытнейшими соперниками отстояли звание чемпионов мира. Советские стрелки на мировом чемпионате в Москве удержали за собой командные высоты.

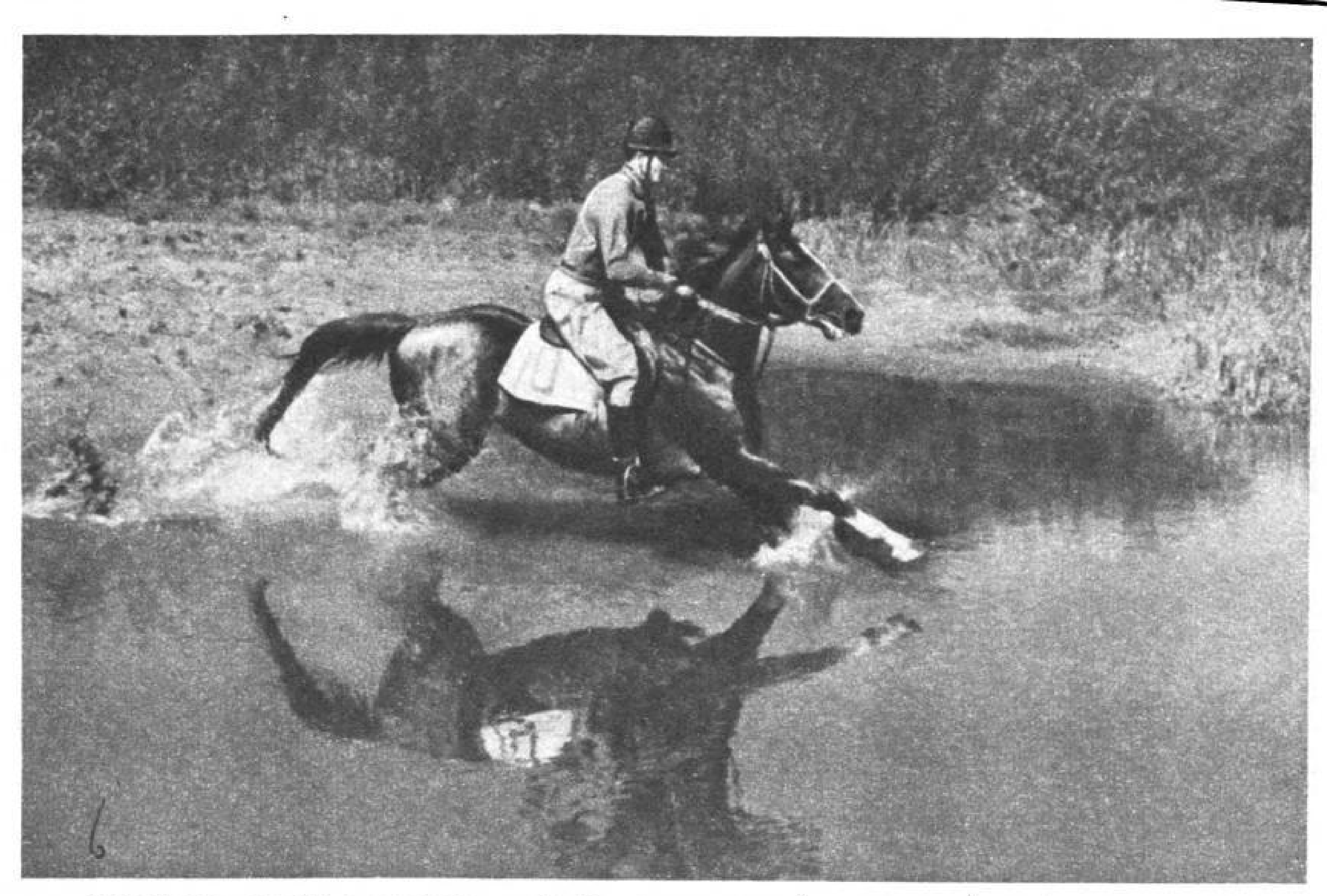
Титул первого конькобежца мира носит советский спортсмен. Шахматная корона имеет постоянную прописку в Москве, а шашечная в минувшем году впервые привезена в Советский Союз и находится на квартире у киевского инженера.

Подводя радостные итоги прошедшего года, невольно задаешь себе вопрос: что это — случайный взлет, мимолетная спортивная удача? Нет, это планомерный поход к вершинам спортивного мастерства.

Юноше или девушке, пожелавшим заняться спортом, предоставляется все: стадионы и ледяные площадки, гимнастические залы и корты, мячи и даже тапочки-шиповки.

Не удивительно поэтому, что армия советских спортсменов поистине многомиллионна.

В городах и селах необъятной нашей страны растут будущие чемпионы и рекордсмены мира. Сегодня вихрастый парнишка впервые вышел на гаревую дорожку или на старт конькобежного марафона, завтра он поставит рекорд колхоза или завода, а минет срок — и он взойдет на пьедестал почета, как всходит теперь Куц или Гончаренко. Это обычный путь, открытый для каждого спортсмена нашей страны. По такому пути прошли все те, кто ныне добился выдающихся успехов.

Современное пятиборье включает в себя бег по пересеченной местности, стрельбу, плавание, фехтование и скачку. Даже простой этот перечень показывает, какого всестороннего развития должен добиться человек, решивший стать пятиборцем.

На прошедшем первенстве мира в Англии блестящего успеха добилась команда пятиборцев Советского Союза, и особенно ереванец Игорь Новиков. Он стал чемпионом мира

Десятиборье — самый сложный, самый трудный вид легкоатлетических соревнований. Спортсмен-десятиборец в течение двух дней десять раз вступает в борьбу. Он бегает, прыгает, метает... Десятиборье требует от человека высокогармоничного физического развития. В гармонии — залог успеха.

Только двум людям на всем земном шаре за всю историю удалось перейти заветную грань восьми тысяч очков. Первым это сделал заслуженный мастер спорта Василий Кузнецов, а затем американский атлет негр Рафер Джонсон, превзошедший результат Кузнецова на матчевой встрече советских и американских легкоатлетических команд в Москве.

На первенстве Европы прошедшего года Василий Кузнецов стал чемпионом, снова перешагнув восьмитысячный рубеж. Вернувшись домой, он повесил завоеванную золотую медаль на грудь своему сынишке Вите, и они заключили договор: так держать всегда!

В Будапеште проходило первенство Европы по плаванию, ватерполо и прыжкам в воду. В общекомандном зачете советские спортсмены заняли первое место и были награждены «Кубком Европы».

Отличился молодой пловец Леонид Колесников, ставший чемпионом Европы в плавании брассом на 200 метров.

На нижних снимках мы видим спортсменов, которые не носят столь громких титулов и званий, как их товарищи, о которых рассказано выше. Но, может быть, через несколько лет в день Нового года о них будут говорить как о чемпионах и рекордсменах мира и Европы. Ведь они принадлежат к той армии советских спортсменов, откуда большой спорт черпает своих лучших мастеров. Путь открыт!

Фото А. Бочинина, М. Боташева, В. Джейранова, Е. Лейтмана, И. Семина, Б. Уткина.

Чемпион ленинградского Кировского завода по штанге в среднем весе электросварщик Н. Латышев.

Ученик Володя Попков — чемпион 387-й московской школы по бегу на 800 метров.

Чемпионка Трехгорной мануфактуры по гимнастике крутильщица Анна Максина.

вперед

Вопрос о том, кому носить титул чемпиона мира по шахматам, уже давно стал чисто внутренним делом гроссмейстеров Советского Союза. Попытки зарубежных шахматистов «вмешаться» в этот спор кончались неудачно.

В 1948 году Михаил Ботвинник сделался чемпионом мира и с тех пор прочно закрепился в этой «должности». Правда, в 1957 году гроссмейстеру Василию Смыслову удалось отобрать у чемпиона его корону. Но ненадолго. В 1958 году Михаил Моисеевич Ботвинник взял реванш и вернул себе право называться первым шахматистом мира.

Но его, конечно, не оставят в покое.

Чемпион мира не теряет боевой спортивной формы. Вечерами в кругу своей семьи он подолгу сидит над доской.

Имя Олега Гончаренко известно даже в тех странах, где никогда не бывает зимы, где шумит листвой вечнозеленое лето. А для жителей северных стран, для тех, кому звон коньков, режущих хрустально чистый лед, слаще всякой музыки,— для таких любителей имя нашего соотечественника звучит как символ самого высокого спортивного духа. Трижды завоевывал Олег Гончаренко титул чемпиона мира. Неукротимой воли, высокого технического мастерства требует от спортсмена большое конькобежное многоборье.

Скоро состоится очередное первенство мира. Уже в прошлом году Гончаренко пришлось вести борьбу не только с обстрелянными ветеранами, но и с молодыми талантливыми многоборцами, из которых особенно сильным показал себя Владимир Шилыковский, завоевавший звание второго многоборца мира.

Три движения: жим, рывок, толчок — 507,5 килограмма... До недавних пор такой результат в сумме троеборья казался нашим тяжелоатлетам недосягаемым. Но вот явился богатырь Алексей Медведев и взял эту вершину. Сейчас он сильнейший атлет мира.

Вместе со своими товарищами по команде Медведев на первенстве мира в Стокгольме в 1958 году снова — в который уже раз! — доказал, что советские богатыри сейчас непобедимы. В поединках может проиграть один или другой наш атлет, но не советская команда.

Имя этой девушки, москвички Валентины Киселевой, до 1958 года мало кто знал. Но вот из далекой Филадельфии, где проходило очередное первенство мира по фехтованию, пришло известие: в боях на рапире Валентина оказалась сильнейшей и завоевала звание чемпионки мира. Отлично начала свой путь на международной арене молодая фехтовальщица.

Для киевлянки Ларисы Латыниной год 1958-й был логическим продолжением предыдущих лет: признанная всеми как сильнейшая гимнастка европейского континента и мира, олимпийская чемпионка подтвердила на мировом первенстве в Москве, что свое высокое звание она носит не зря. Изящество и легкость, с какими Лариса выполняет упражнения на снарядах, доставляют истинное наслаждение любителям гимнастики. Но за этой легкостью — немереные трудные часы упорных тренировок. Чтобы стать первой среди гимнасток такого класса, каким обладают хотя бы Софья Муратова, Тамара Манина, чешка Ева Босакова и им подобные, надо всегда быть во всеоружии, надо непрерывно, вновь и вновь оттачивать, казалось бы, идеально отточенные элементы комбинаций. Кто упорнее, за тем победа!

Сильнейшие борцы села Гldани, Самгорского района, Грузинской ССР, Джемал Нуцубидзе (слева) и Александр Одишвили

Студентка 3-го курса Зайга Путныня — чемпионка Латвийского государственного университета имени П. Стучки

Юная фигуристка Татьяна Немцова, ученица 6-го класса 273-й школы Москвы.

Самый юный шахматист Ташкента Эрнест Ким. Ему всего пять лет, но он успешно сражается с опытными шахматистами.

Короткие рассказы

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Деловой мальчик

В прихожей раздался звонок. Я открыл дверь и увидел перед собой мальчика лет пятнадцати — шестнадцати. Подстрижен он был под модный укороченный ежик, одет так, как одеваются сейчас многие молодые люди: брюки узенькие, в обтяжку, а сверху навыпуск рубашка с далеко откидывающимся воротом, фасон «кормящий папа». Мальчик поздоровался и сказал:

— Я ваш сосед. Мы живем в одном подъезде.

— Входите. Очень рад.

Мальчик вошел и спросил:

— Вы знаете редактора журнала «Новый мир»?

— Знаю.

— Так у меня к вам просьба. Напишите записку, чтобы он напечатал мои стихи.

— А вы пойдите к редактору просто так. Если стихи хорошие, он напечатает их без всякой записки.

— Ой, что вы! Без записки ходить — это зря ноги бить. Вы уж, пожалуйста, не отказывайте.

Я посопел, помычал...

— А ну покажите ваши стихи!

— Вам показать на какую тему?

— А вы что, заготовили на все случаи жизни?

— А как же! А вдруг редактор попросит о чем-нибудь таком, а у меня их не будет?

Мальчик помолчал и добавил:

— Мне бы только напечатать штук пять стихов, а там я брошу это дело.

— Если вы все равно бросите это дело, так вам, может быть, лучше и вовсе не браться за него?

— А мотороллер! Нет, я твердо решил иметь собственную «Тулу».

— За пять стихотворений «Тулу» не купишь.

— Я прибавлю кое-что из личных накоплений.

— У вас их много?

— Две тысячи триста рублей.

— Ого!

Мальчик улыбнулся.

— У меня с трех лет сберкнижка.

Я еще раз посопел, помычал.

— Две тысячи триста рублей за двенадцать лет. Разве это много? — спросил он.

— В следующие двенадцать лет вы накопите больше, не сомневаюсь.

— А что, если стихи пойдут хорошо, я, может быть, и не брошу их писать, — сказал мальчик и как ни в чем не бывало посмотрел на меня своими большими синими глазами.

В мальчиковом возрасте есть такой период, когда каждый ...надцатилетний заболевает стихами. Мучается, страдает, но пишет. Одни посвящают свои произведения Первомаю, другие — Чапаеву, третьи сочиняют целые циклы о «прекрасной девочке». Сочиняют, не думая о знакомом редакторе. Плохо ли, хорошо ли получатся стихи, мальчики еще не знают, но они не спят ночей, творят, потому что находятся во власти поэтического вдохновения.

Но это те, другие мальчики, а этот? И хоть жили мы с ним в одном подъезде, спускались вниз и поднимались вверх в одном лифте, я смотрел сейчас на юного владельца укороченного ежика новыми глазами и видел в нем не соседского мальчика, а мальчика с какой-то чужой, далекой планеты.

Строчка нонпарели

В редакционную комнату вошел грузный, взволнованный мужчина.

— Вы читали стихи Есенина из цикла «Персидские мотивы»?

— Читал.

— А вдову доктора Кавелова вы видели?

— Нет.

— Так эта вдова утверждает, будто когда поэт писал «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», то он имел в виду ее. А это неправда. Вдова доктора Кавелова не Шаганэ, а Каринэ. Это во-первых. А во-вторых, персидский цикл написан поэтом в 1924 году в Баку, а доктор с женой приехал в этот город на два года позже. Вдове просто-напросто захотелось на старости лет погреться в лучах чужой славы. И заметьте, эта вдова не одинока. В Сухуми живет вторая вдова — Гарунова. Она тоже утверждает, что когда поэт писал «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», то имел в виду ее, Гарунову. Но это тоже неправда. Гарунова не Шаганэ, а Маринэ. Кроме этих двух вдов, мною взято на учет еще шесть самозванок, две из которых живут в Батуми, две — в Самарканде...

— Простите, а для чего, собственно, вы ведете этот странный учет?

— Для того, чтобы найти настоящую Шаганэ, ту, которая вдохновила поэта. И я нашел ее. Это моя жена. Правда, моя жена тоже не Шаганэ, а Шурале, тем не менее я утверждаю: когда поэт писал свои бессмертные строки, он имел в виду именно ее. У меня есть доказательства. Документ. Выписка из домовой книги. В 1924 году мы жили в одном доме с поэтом. Последний заходил иногда к нам пить чай. Три года назад я поставил об этом в известность компетентные литературные организации. Я попросил эти организации воздействовать на редакторов Гослитиздата, чтобы они в следующем издании сочинений Есенина против стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» напечатали примечание, в котором указали бы не фамилию какой-то самозванной вдовы, а фамилию человека, с женой которого, Шурале Газизовной, поэт поддерживал духовную дружбу в дни своей бакинской командировки.

— Минуточку... Но ведь ваша жена еще жива.

— Неважно. Я простил ее.

— Но ведь живы еще и вы?

— Я не ханжа, не мещанин. Факты живой литературной действительности для меня выше уязвленного мужского самолюбия, — сказал муж Шурале Газизовны и добавил:

— Ну, как, похлопочет ваша редакция перед Гослитиздатом, чтобы в полном собрании сочинений было указано про этот случай проживания поэта вместе с нами, в одном доме втроем и духовно и территориально? Пусть хоть одной строчкой... Пусть хоть самым мелким шрифтом, нонпарелью...

Я не знаю, в каком доме жил поэт в 1924 году, когда он работал над персидскими стихами. Что же касается самих стихов, то весь этот цикл, как известно, Есенин посвятил своему близкому товарищу, редактору «Бакинского рабочего» П. И. Чагину. Одно из стихотворений цикла так и начиналось: «Чаганэ ты моя, Чаганэ...»

Публикуя стихи, поэт по просьбе скромного редактора изменил букву «Ч» на «Ш». Так, собственно, и родилось новое женское имя, которого, кстати, нет ни в одних святцах мира.

Все это я и собирался объяснить грузному, взволнованному мужчине, который столь неожиданно появился в редакционной комнате. Но пойди попробуй, объясни, если мужчина этот, не стыдясь, не краснея, шел напролом, лишь бы только попасть в полное собрание чужих сочинений. Пусть хоть одной строчкой, хоть нонпарелью...

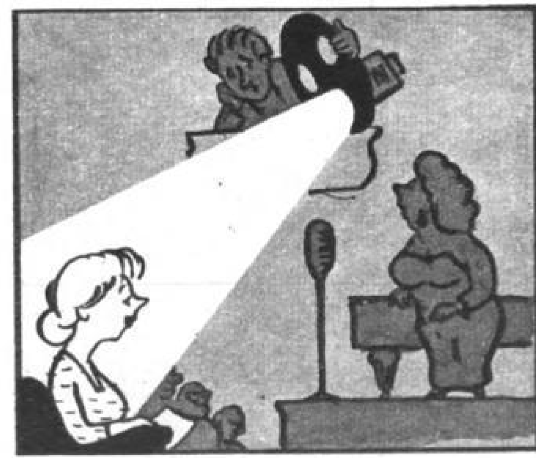
— Где елочку приобрели?

Рисунок В. Соловьева.

Сила привычки.

Рисунок М. Кузнецова и В. Терехова.

Симпатия осветителя.

Рисунок М. Ушаца

В ночь под праздник

Владимир **ЛИФШИЦ**

Мне сказал один поэт,
выспренен и пресен:
— Я поэт, а ты, брат, нет —
сочинитель песен!

Я страдаю над строкой,
может, по семь суток,
ну а ты, брат, не такой —
сочинитель шуток!

Ты серьезным должен стать,
ведь еще не поздно!..
И решил я сочинять
с той поры серьезно.

С этой мыслью в голове,
не забыв совета,
я шагаю по Москве
в поисках сюжета.

Мне навстречу гражданин
с кожаным портфелем.
Блеск очков и блеск седин...
Карандаш нацелим!

Но подходит он, неся
в кожаном портфеле
новогоднего гуся,
чтобы дома съели!

Стойко выдержку храня,
лоб я хмурю грозно:
гусь не тема для меня,
это несерьезно!..

Вот парнишка на букет
сделал крупный вычет.
Нет, нельзя его в сюжет:
песенку мурлычет!

Надо думать, он жених,
ждет его невеста...
Но теперь в стихах моих
глупостям не место!..

Я по улицам бреду.
Час довольно поздний.
Может быть, в метро найду
тему посерьезней?

Под землею теплый бриз,
будто здесь экватор.
Елки вверх и елки вниз
возит эскалатор.

И кожанка на бегу
молвит пышной шубке:
— Разрешите, помогу
донести покупки!

А в вагоне старичок
деловито пляшет,
в бок уперши кулачок,
кепочкою машет.

Веселит честной народ,
прыгает высóко,
где-то встретил Новый год
явно раньше срока...

Мне, видать, серьезных тем
не найти под праздник!
Я ищу, а между тем,
сколько шуток разных!

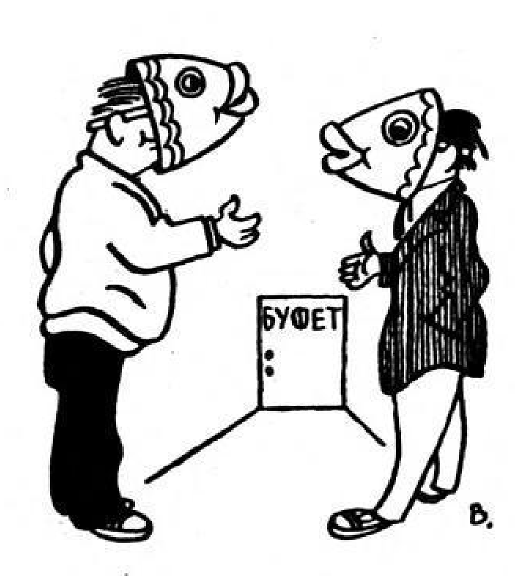
И повсюду, как на грех,
слышу я сегодня
только песни, только смех
в вечер новогодний!

Без серьезных тем иду
радостный, усталый...
Я их в будущем году
поищу, пожалуй!

Рисунки Е. Гурова.

— Раньше, когда у нас не было телевизора, муж страдал хронической бессонницей.
Рисунок О. Калласа (Таллин).

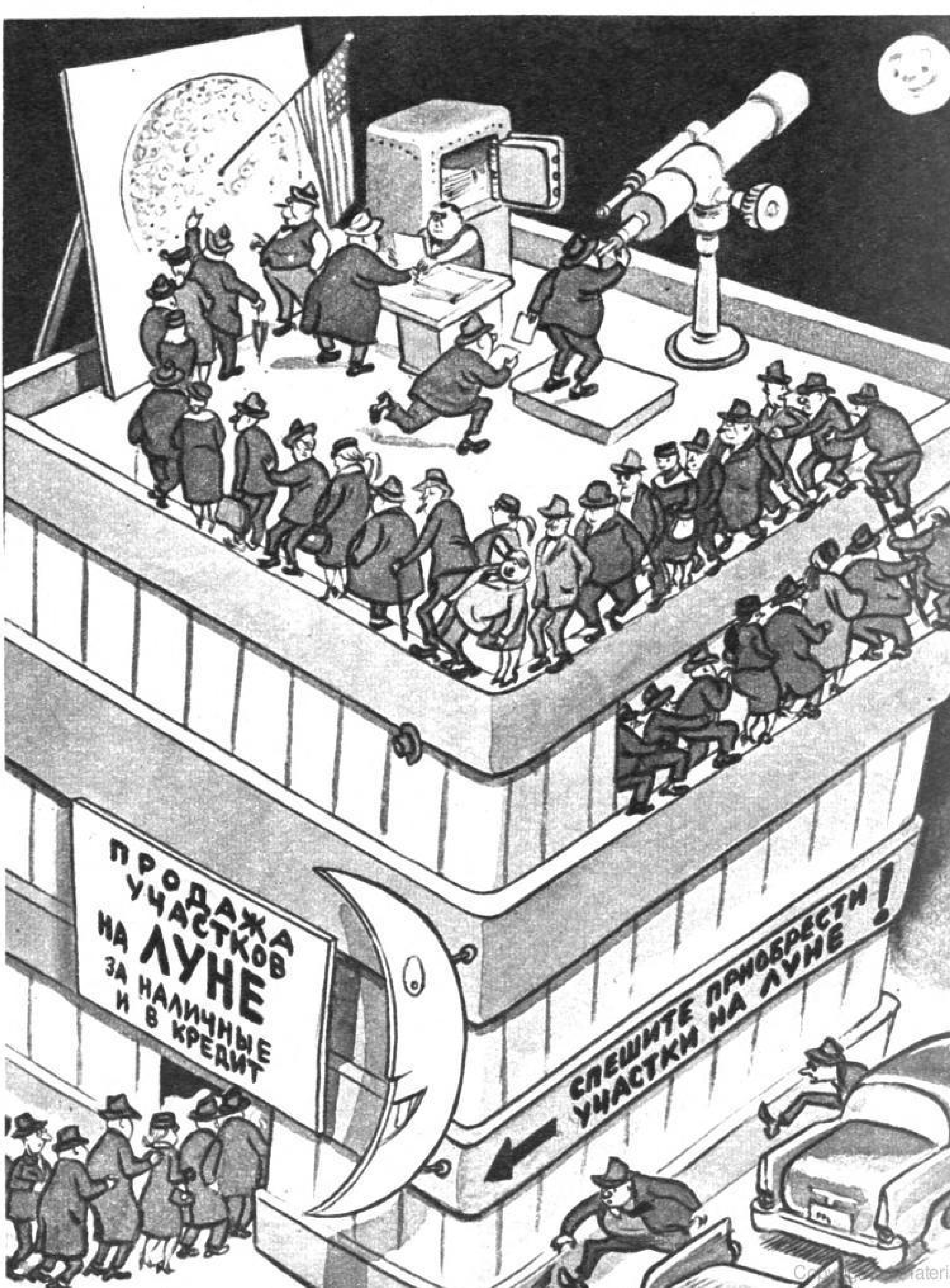
ВОШЛИ В ОБРАЗ.

— Зайдем, клюнем?
Рисунок М. Вайсборда.

Как сообщают газеты, в США в адрес министерства внутренних дел постоянно поступают заявки на лунные долины и кратеры.

БИЗНЕСМЕНЫ-ЛУНАТИКИ.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Он „боролся“ до упаду

Степан ОЛЕЙНИК

Невзирая на закон,
Гнал Гаврила самогон.
От людей узнал про это
Председатель сельсовета.
Он сказал секретарю:
— Я, брат, с ним поговорю!
Призову его к порядку!..
И, в планшет пихнув тетрадку
Положив печать в карман,
Отбыл,
Гневом обуян,
На борьбу с напитком оным —
С пресловутым самогоном.

Шаг размашист.
Грозен взор.
Вот и он, Гаврилин двор.
Дверь хозяйка отворила,
Спрыгнул с печки сам Гаврила...

В нос ударило спиртным,
Но «борец» неколебим.
Он кивнул на куб с порога.
— Кто позволил? — молвил
строго.

Заслонил Гаврила куб
И сказал, погладив чуб:
— Есть на это три причины:
У жены вот именины.

А помимо именин,
У кумы родился сын,
И просватал дочку крестный,
Так что .. гонщик я не злостный!

Гость щипнул в раздумье ус,
Самогона вспомнил вкус.
Голос он смягчил поспешно,
Сел, вздохнул:
— Оно конешно!..

Разузнал состав питья:
Сколько в ход пошло сырья,
Как готовилась закваска...
А хозяюшка Параска
Уж посудой бряк да бряк!

Тут «борец» совсем размяк:
Пил и ел с немалым рвеньем,
Пирожки хвалил с вареньем.
В перваче
И гнев и злость
Утолил суровый гость.
...За окном темно уж стало,
А Параска все совала
Пирожки ему в карман...

Вышел он,
Как стелька, пьян.
Шел с «привалом» в каждой
яме,
Шел ногами и руками,
Без дороги, напрямки,
Доедая пирожки.

А в конце трапезы сладкой,
Потеряв планшет с тетрадкой,
Стал в кармане ковырять
Сельсоветскую печать.
Отскочившую резинку
Принял спьяну за начинку,
Пожевал
И проглотил...
В хату вполз уже без сил,
Спал часов шестнадцать
кряду —
Словом, «бился» до упаду!

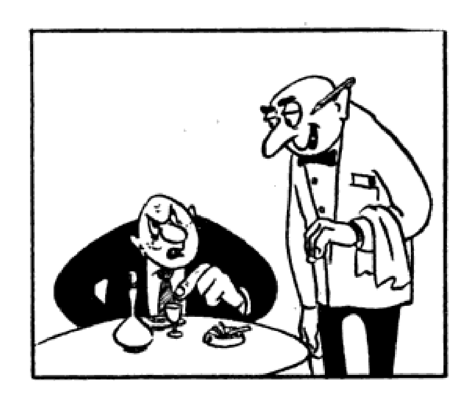
Не пора ль в конце концов
Протрезвить таких «борцов»?

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

Рисунки
Е. Ведерникова.

Чтобы было точно.
Рисунок В. Кащенко.

— Официант, зачем вы добавили воды в водку?
— Я просто не могу смотреть, как люди отравляют себя чистым алкоголем.

Рисунок Т. Куусмая
и Х. Отставеля (Таллин).

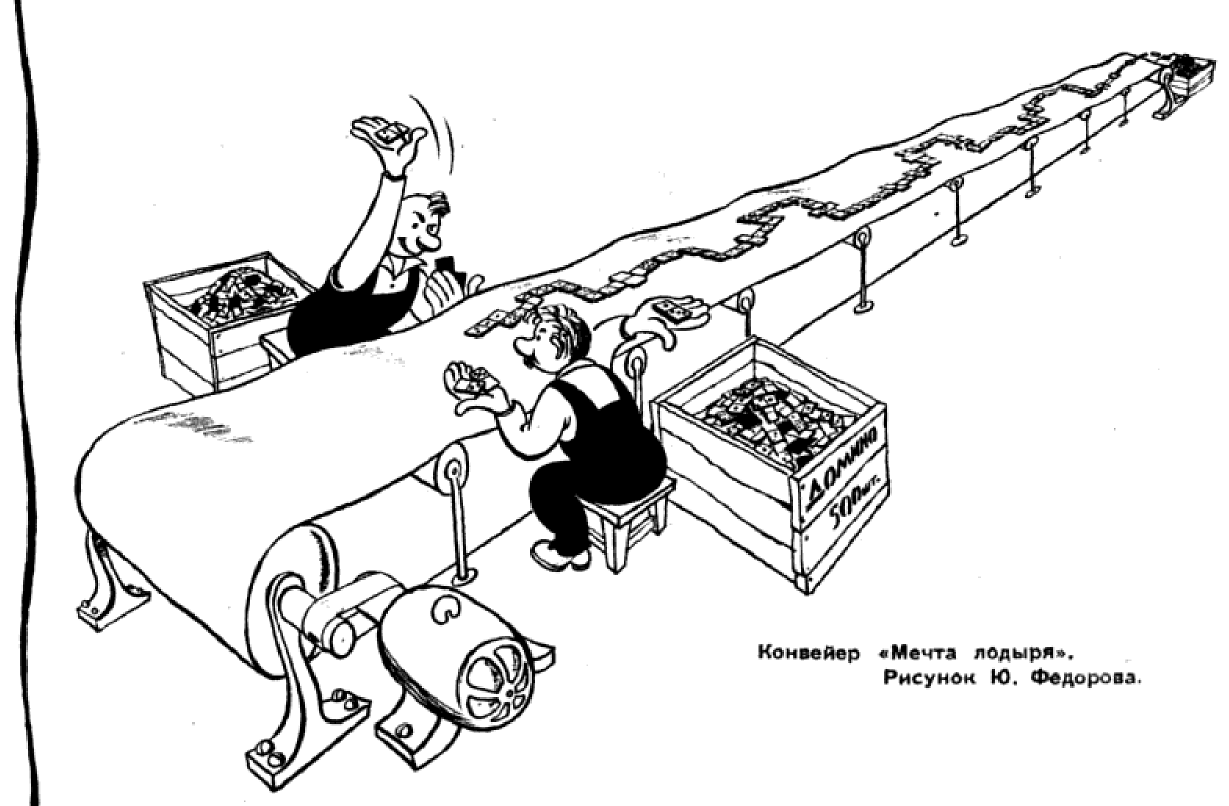

Тост кляузника.
Рисунок В. Гальба
(Ленинград).

Эстрадный Дед-мороз.
Рисунок А. Козюренко (Киев)

— Не растаял бы...
Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

Конвейер «Мечта лодыря».
Рисунок Ю. Федорова.

Бюрократ и его естественные спутники.
Рисунок Х. Расулова (Сталинабад).

— Извините за беспокойство!
С Новым годом!

Рисунок В. Гальба.

Кто читает журнал для самых маленьких.
Рисунок Гр. Оганова (Баку).

Идет совещание по очистке воздуха в городе.
Рисунок А. Каневского.

— Я готова так просидеть до утра.
Рисунок И. Массина.

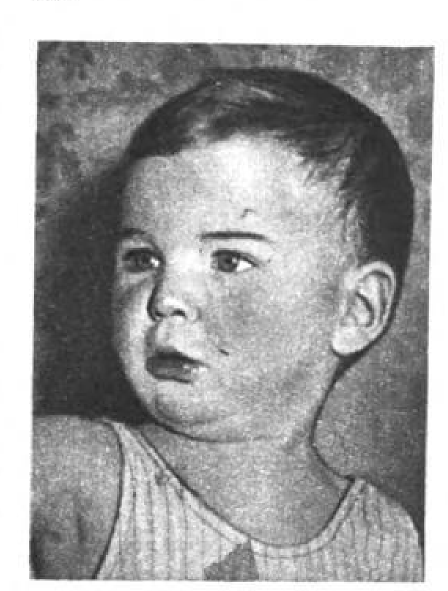

Ненаглядная...
Рисунок В. Черникова.

ОТ ТРЕХ ДО ПЯТИ

Корней ЧУКОВСКИЙ

— Разве ты не знаешь, что все люди произошли от обезьяны, и я, и твоя мама?
— Вы как хотите. А моя мама — нет.

Хвастает:
— Меня приняли вчера в октябрята. Это уже полпионера!

Вырвали зуб.
— Пусть он теперь у врача в банке болит!

О портрете Гончарова.
— Он уже умер, да? А кто же теперь его заместитель?

— Деток мамы родят, а взрослых людей кто?

Вернулся из зоопарка.
— Ну, Алешенька, что ты там видел?
— Машину!
(Грузовик, поливавший дорожки).

— У мамы сердечко болело, и она пила болерьянку.

— Правда, папа, троллейбус — помесь трамвая с автобусом?

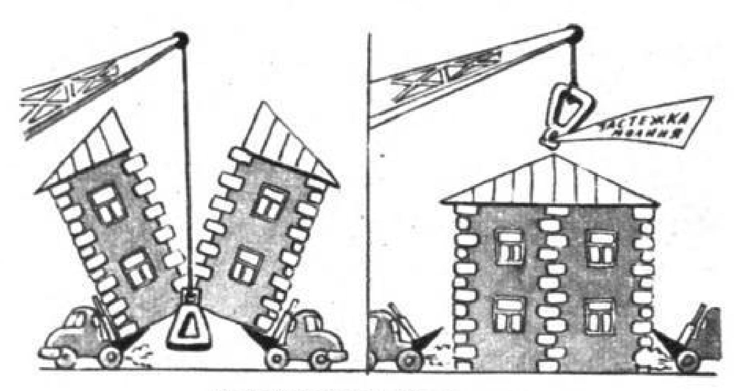
Городская девочка впервые в деревне увидела теленка.
— А он заводной?

— Мама, как едет трамвай?
— По проводам идет ток, мотор начинает работать, вертит колесики, трамвай едет.
— Нет, не так!
— А как же?
— А вот как: «Динь-динь-динь, ж-ж-ж-ж!»

— Ногти у человека пластмассовские?

КАРТИНКИ 2000 ГОДА

Моментальная сборка дачи.

Кинoновинка.

Изошутки В. Кащенко.

年

«НЯНЬ»

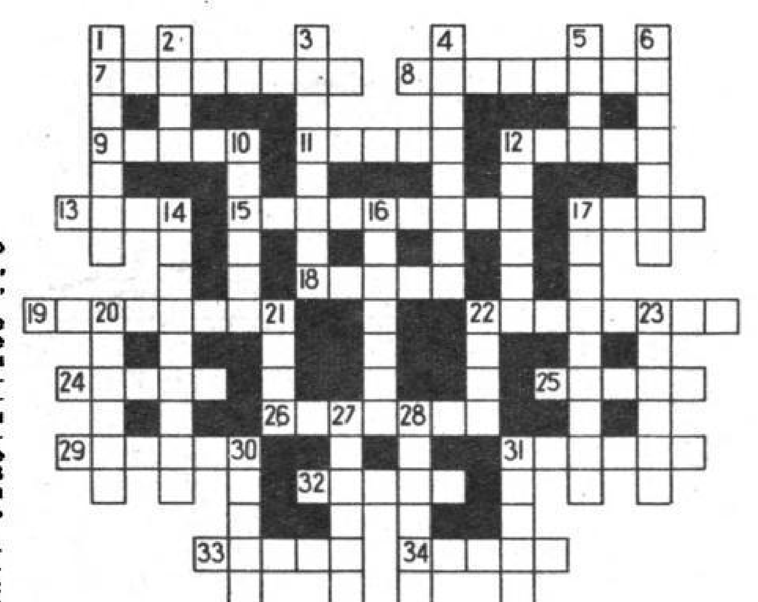
Китайский иероглиф «нянь» означает, во-первых, годы, возраст и, во-вторых, Новый год.

В старом Китае бедняки не праздновали наступление Нового года. Для них канун его был тяжелым предзнаменованием: помещики и феодалы жестокими поборами доводили крестьян до полного разорения; в семьях не оставалось и горстки риса. В страшной нищете бедняки умирали с голоду, питаясь травой и корой деревьев.

В древнем народном предании иероглиф «нянь» означал кровожадного зверя с двумя головами, четырьмя ушами и восемью ногами. По сказаниям, чудовище имело огромную пасть и пожирало людей. Но зверь был ленив, он целый год спал в пещере и выползал только в новогоднюю ночь. «Нянь» боялся дневного света, не любил красный цвет и не выносил шума. Поэтому в Китае существовал такой обычай: в канун Нового года, чтобы не впустить в свой дом злое чудовище, люди на дверях жилищ наклеивали красные надписи, на окнах выставляли красные цветы, зажигали яркие фонарики, а сами стреляли из хлопушек и били в барабаны.

Обычай остался и до сей поры, но приобрел другое, веселое, шутливое значение.

Ю. БУРИНСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Небольшое шутливое произведение. 8. Комедия Козьмы Пруткова. 9. Часть актерского грима. 11. Рабочий-строитель. 12. Народная сказка. 13. Приток Нижней Тунгуски. 15. Тип русской гармоники. 17. Загородный дом. 18. Мелкая рыба. 19. Персонаж в пьесе Д. И. Фонвизина «Недоросль». 22. Хвастун и обманщик в произведениях В. Шекспира. 24. Порода охотничьих собак. 25. Соцветие. 26. Перерыв в концерте. 29. Город в Курганской области. 31. Хлопчатобумажная ткань. 32. Стихотворный размер. 33. Плод пальмы. 34. Ночная фиалка.

По вертикали:

1. Непредвиденный подарок. 2. Советский художник. 3. Странствующий актер на Руси. 4. Народная игрушка. 5. Полулегендарный баснописец. 6. Музыкальный инструмент, распространенный на Кавказе. 10. Аттракцион. 12. Птица отряда куликов. 14. Народный артист СССР. 16. Овощ. 17. «Дама сердца» Дон-Кихота. 20. Предсказатель у древних греков и римлян. 21. Кондитерское изделие из орехов. 22. Водный транспорт. 23. Конская рысь. 27. Русская песня. 28. Цепкохвостая обезьяна. 30. Старинная мера длины. 31. Клевер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

7. Заслонов. 8. Репортаж. 10. Друть. 11. Счеты. 12. Богатырев. 15. Аккорд. 18. Гомель. 19. «Спартак». 20. Цимбалы. 21. Бекетов. 24. Полесье. 26. Косуля. 27. Персей. 31. Рокировка. 33. Русак. 34. Урема. 35. «Беларусь». 36. Лявониха.

По вертикали:

1. Долото. 2. Нарочь. 3. Вагранка. 4. Бостон. 5. Чертеж. 6. Гастроль. 9. Четверг. 13. Преамбула. 14. «Холстомер». 16. Аполлон. 17. Варенье. 22. Тетерев. 23. Долгунец. 25. Черемуха. 28. Лосось. 29. Окуляр. 30. Фарада. 32. Гранит.

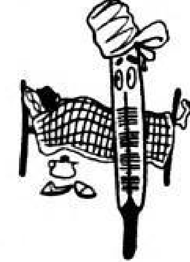
Стихи о вещах

Ф. КРИВИН

Рисунки Б. Жутовского.

Догорает маленькая свечка
И позвать не просит докторов.
Кочерга ныряет прямо в печку,
Будто укротительница дров.
И ударов не боится ступка,
Сколько медным пестиком ни бей...

Многим замечательным поступкам
Научились вещи у людей.

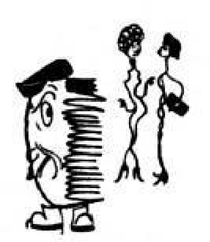
ГРАДУСНИК

Ох, этот градусник, стеклянный паренек,
Отзывчивая, чуткая натура!
В квартире кто-то сляжет на денек,
А у него уже температура.
И среди всех волнений и тревог
Он не ошибся, не подвел ни разу.
Как видно, мастер, сделавший его,
Вложил в него свой добрый, светлый разум.

МУНДШТУК

Всем известно, что мундштук
Постоянства не выносит.
Посчитайте, сколько штук
Сигарет он в жизни бросил.

Нет на свете чудака
Своенравней и капризней.
Берегитесь мундштука,
Прожигательницы жизни!

ГРЕБЕНЬ

Медный гребень годы не сломили,
Он прямолинеен, прост и груб.
Он не любит разных тонких шпилек
И на них имеет крепкий зуб.

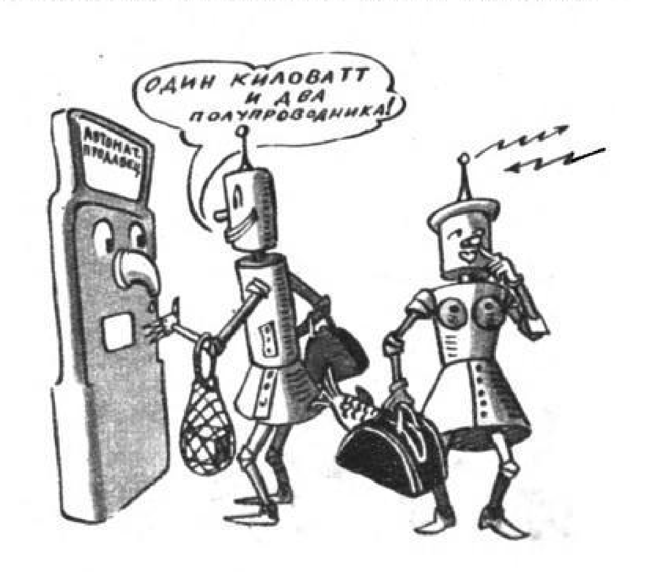
В перманенте гребень рвет и мечет,
Сердится — подай ему косу.
Медный гребень в жизни человечьей
Любит настоящую красу.

Ужгород.

ШКАФ

Он очень содержателен.
А скромен!
Посмотри:
Он даже носит платье
Не сверху, а внутри.

А тот, кому он служит,
Иной имеет вкус.
Он разодет снаружи,
А в середине пуст.

КАРТИНКА 2000 ГОДА

Домработницы.

На вкладках этого номера: репродукции картин С. Фролова «Советские геологи», Г. Песиса «Вдоль деревни», Б. Раппопорта «Строительство комсомольской домны», Н. Вертюова «Смена» и Г. Сателя «Сормовские сталевары».
К этому номеру приложен табель-календарь на 1959 год.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 09359. Подписано к печати 24/XII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1. Заказ № 2933.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

БЕРЛИНСКИЙ ВОПРОС ПО-БОННСКИ.

Рисунок **КУКРЫНИКСЫ.**

Цена номера 3 руб.

